

Будь моей

Автор:

Джоанна Линдсей

Будь моей

Джоанна Линдсей

Кардиния #2 Королева любовного романа

Своенравная русская аристократка волею самодура отца обручена с загадочным иностранцем, пользующимся дурной славой эгоиста и отчаянного ловеласа. И жених, и невеста в ужасе от предстоящей свадьбы и намерены любой ценой разорвать помолвку. Однако, как известно, от ненависти до любви – один шаг, а пути страсти неисповедимы...

Джоанна Линдсей

Будь моей

© Johanna Lindsey, 1994

© Перевод. Л. И. Желоховцева, 1997

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Российская империя

Малороссия, 1836 год

Заложив руки за спину, Константин Русинов стоял у окна и с неудовольствием смотрел на приближающееся облако пыли. Фасадом дом выходил на дорогу, огибающую усадьбу и уходящую на восток, к Днепру. В ясный день со второго этажа хорошо просматривалась река, а отсюда, из гостиной, можно было наблюдать за дорогой, ведущей на запад, и именно оттуда надвигалось, клубясь, облако пыли.

Даже если бы Русинов не знал, что сегодня проходят скачки, об этом можно было легко догадаться по людям, толпящимся вдоль обочин неподалеку от особняка: их поведение было верным признаком приближающегося праздника. Его казаки любили добрые скачки не меньше, чем славную сечу, и эти сильные, смелые люди были безгранично преданы барону и его семье.

Русинов привык считать их своими, ибо казаки давно и прочно были связаны с его семьей, но при этом не мог сказать, что они – его собственность. Слово «казак» означает «вольный воин», и русиновские казаки были именно вольными воинами, но с тех пор, как прапрадед Константина разрешил им селиться на своей земле и в мире и в покое растить детей, они охотно работали на Русиновых в качестве слуг, конюхов, а в основном – телохранителей.

Казачье поселение, основанное много лет назад, давно уже превратилось в процветающий городок, расположенный менее чем в полуверсте от поместья, а семейство Разиных, долгое время поставляющее городу начальников всех мастей, было едва ли не богаче русиновского. Население городка на три четверти состояло из многочисленных отпрысков различных ответвлений этой фамилии.

Заручившись их помощью, Константин разводил лошадей, которых поставлял царской армии, а чистокровных породистых скакунов продавал аристократам, способным выдержать такие траты. Рынки Киева и прилежащих сел были завалены сахарной свеклой с его полей, а его пшеница высоко ценилась по всему побережью Черного моря. Константин потихоньку богател, и, после того как десять лет назад умерла его жена, он, по примеру большинства русских дворян, окончательно обосновался в своем имении. Московским домом Русинова и особняком в Санкт-Петербурге теперь владела его сестра.

– Тебе это не понравится, дорогой.

Анна Верейская стояла у соседнего окна и смотрела туда же, куда и он. Она принадлежала к тому редкому типу женщин, которые, кажется, никогда не стареют. Ее каштановые волосы, всегда тщательно причесанные, карие глаза и тонкие черты лица производили впечатление нетленной красоты, и никому бы и в голову не пришло, что ей уже тридцать пять.

Ее тон насторожил Константина. Наклонившись вперед, он оперся на раму и внимательно взгляделся в приближающихся лошадей.

Это случилось уже не в первый раз и, судя по всему, не в последний, и в глубине души барон знал, что увидит. Но внутри пыльного облака, уже почти достигшего дома, он разглядел лишь неясные очертания шести измученных лошадей, теснивших друг друга на узкой дороге. Мелькали меховые шапки, развевались длинные одежды, точеные лошадиные ноги вытягивались в последнем порыве к уже недалекому финишу – на окраине ближайшего села. Большая белая овчарка бежала по обочине, еще больше возбуждая коней своим лаем.

– Алин будет первой, – удовлетворенно сказала Анна.

– Конечно, первой, – проворчал Константин, не сводя глаз со всадника впереди: тот сначала вжался в седло, а теперь медленно выпрямлялся во весь рост. Вдруг, привстав в стремях, он со смехом сбросил меховую шапку, и остальные всадники последовали его примеру.

Барон в ужасе закрыл глаза и прошептал:

– Она всегда выигрывает, но я не хочу, чтобы ты постоянно напоминала ей об этом: она тогда вообще потеряет голову и станет настоящим сорванцом.

Анна только прищелкнула языком, и Константин почувствовал, как ее грудь уперлась ему в спину, а руки сомкнулись на талии.

– Ты можешь открыть глаза, дорогой, – она не сломала себе шею.

– Слава Богу! – выдохнул он, и тут же пережитый страх уступил место гневу: – Клянусь, на этот раз она будет как шелковая. Я ее в бараний рог согну.

Анна хмыкнула:

– Ты всегда так говоришь, но никогда не делаешь. Кроме того, тебе не позволят братья Разины.

– Я поговорю с их отцом. Ерофей сделает все, о чем я попрошу.

– Но он не даст и волоску упасть с головки этого очаровательного ребенка. Ерофей обожает ее не меньше, чем ты.

Константин вздохнул и, повернувшись, обнял ее.

– Анна, любимая, этому «очаровательному ребенку» двадцать пять, и она уже слишком взрослая для таких глупостей. Ей давно пора выйти замуж и нянчить детей. Лида уже подарила мне пятерых внуков, Лиза успела родить троих до того, как овдовела, так почему же не выдать замуж и младшую дочь?

Анна решила не упоминать о той возмутительной выходке, после которой царь Николай неофициально изгнал Александру из столицы: всякий раз воспоминание об этом вызывало у нее неудержимый смех. Однажды на Масленицу, во время званого обеда у Романовских, княгиня Ольга громогласно пожаловалась, что, несмотря на все свои усилия, она за минувший год еще больше прибавила в весе.

В ответ на ее жалобы Александра вполне невинно и искренне предложила:

– Тогда почему бы вам не перестать набивать рот блинами со сметаной? Вы бы сразу сбросили фунт-другой.

Так как княгиня в этот момент как раз занималась тем, что набивала рот блинами, то ничего удивительного, что многие гости внезапно начали кашлять в салфетки и искать под столом якобы оброненные предметы. Анна, присутствовавшая на этом обеде в качестве старшей подруги и покровительницы Александры, нашла это происшествие забавным, но Ольга

Романовская была иного мнения и пожаловалась царю, требуя немедленной расправы с обидчицей. Анна считала, что Александре еще повезло и царь всего лишь вежливо намекнул Константину, чтобы тот увез свою дочь подальше от столицы – туда, где ее острый и своевольный язычок не смог бы жалить никого, кроме крестьян.

К сожалению, этот печальный опыт ничему не научил Александру, и во время следующего сезона в Москве, а потом и в Харькове, не говоря уже о Киеве, до которого было рукой подать, она вела себя точно так же и приложила все усилия, чтобы стать парией в высшем свете. Анна подозревала, что поведение Алин вовсе не случайно: уж чего-чего, а ума ей было не занимать. Дело в том, что вскоре после этого злополучного сезона девушка призналась, что влюблена в благородного Кристофера Лейтона, с которым познакомилась в Петербурге, и объявила, что выйдет замуж только за него и ни за кого другого, а есть ли лучше и надежнее способ оградить себя от многочисленных претендентов на ее руку, пока она будет дожидаться медлительного англичанина? Впрочем, хотела этого Александра или нет, но случилось именно так.

Что же касается вопроса Константина, то Анна напомнила ему о человеке, все эти годы владевшем сердцем его дочери:

– А ты не думаешь, что она до сих пор еще ждет этого английского дипломата?
Нет?

Константин фыркнул:

– Через семь-то лет? Что за чепуха!

– Но ведь из России он уехал всего лишь три года назад, – заметила Анна.

– После того как я запретил ей ездить в Англию, Александра ни разу не упомянула его имени, – возразил Русинов.

– А разве не тогда она объявила, что никогда не выйдет замуж?

Константин вспыхнул, вспомнив эту баталию, – ссора, которая произошла у него с дочерью, была одной из самых ожесточенных.

– Она просто погорячилась.

Анна вскинула брови:

– Кого ты хочешь обмануть – меня или себя? Или, может быть, ты не заметил, что Алин игнорирует всех кавалеров, с которыми ты пытаешься ее познакомить, и уже три года не ездит никуда, кроме Киева, да и то лишь за покупками, ухитряясь и тут находить всякие отговорки, чтобы не покидать дома и сидеть взаперти.

Услышав собственные подозрения, высказанные Анной, Константин испытал облегчение, и чувство вины, мучившее его всю последнюю неделю, казалось, ослабло. Действительно, бесконечные отговорки Александры всегда звучали вполне обоснованно и искренне, но все же это были не более чем отговорки. И, когда на прошлой неделе она придумала очередную убедительную причину, чтобы не ехать с отцом в Васильков в гости к своей сестре и племянницам, Русинов пришел к тем же выводам, что и Анна, и в гневе оттого, что младшая дочь губит свою молодость из-за этого чертова иностранца, выпил лишнего и решился на то, чего никогда бы не позволил себе на трезвую голову.

По тому, как напряглось его крупное тело, Анна поняла, что барона что-то мучает. Она заглянула ему в лицо, но его синие, словно полуночное небо, глаза избегали ее взгляда.

Ее муж и жена Константина умерли в один год. Все четверо были близкими друзьями, и дружба, связывавшая ее с Константином, не угасла, а восемь лет назад даже превратилась в нечто большее. Анна нежно любила барона, хотя и отказывалась променять свою вдовью независимость на положение законной супруги. Да и не было необходимости вступать в брак, ведь она и так жила с ним в качестве домоправительницы и даже хозяйки, а также компаньонки и покровительницы его младшей дочери и, когда возникала необходимость, прилежно исполняла эту свою роль – правда, в последнее время это случалось все реже. Так что Анна знала Константина слишком хорошо и, чувствуя, что он стыдится чего-то, с откровенностью, достойной его младшей дочери, спросила:

– Послушай, Русинов, что ты опять натворил?

Он высвободился из ее объятий и молча направился к буфету красного дерева, где выстроились многочисленные хрустальные графины с его любимыми напитками. Анна подошла к нему и остановилась рядом, наблюдая, как он наполняет до краев водкой большую рюмку и подносит ее к губам.

– Неужели все так плохо? – мягко спросила она и, заметив его слабый кивок, сказала: – Тогда уж налей и мне.

– Нет. – Он поставил на стол наполовину опустошенную рюмку и, не выпуская ее из пальцев, повернулся к Анне: – Плесни водки мне в лицо, запусти рюмку в голову, а лучше всего – графином!

Должно быть, вся его семья отличалась такими бурными проявлениями своего характера, но Анна была совсем иной и не на шутку встревожилась:

– Расскажи-ка мне все.

Константин все еще не решался посмотреть ей в лицо.

– Я нашел Александре мужа.

Услышав это заявление, Анна успокоилась и перевела дыхание. В этих словах не оказалось ничего нового. За последние семь лет барон неоднократно пытался найти дочери мужа, так чем же он смущен и пристыжен сейчас?

– Мужа? – осторожно переспросила она. – Но Алин откажет ему, как отказывала всякий раз, когда ты предлагал ей очередного претендента на ее руку.

Русинов медленно покачал головой.

– Не откажет? Но... – Не закончив фразы, Анна расхохоталась: – Только не говори мне, что на сей раз надеешься настоять на своем. С твоей дочерью, дорогой, это не пройдет: она еще упрямее тебя. Дело кончится тем, что ты опять наорешь на нее так, что весь дом задрожит, а потом все-таки уступишь, как бывало всегда.

Продолжая избегать ее взгляда, Русинов снова с самым несчастным видом покачал головой. На щеках его по-прежнему горел румянец, как у человека,

искренне стыдящегося своего поступка, и Анна, теперь уже не на шутку испугавшись, повторила свой вопрос:

- Что ты натворил?

Опустив голову на грудь, он еле слышно пробормотал:

- Я не оставил своей дочери выбора.

Анна махнула рукой, словно отменяя его слова:

- Выбор всегда есть.

- На этот раз нет, потому что затронута честь семьи, по крайней мере она будет так считать, а это единственное, чем она не посмеет пренебречь.

- Что это значит?

- Это значит, что я пожертвовал собственной честью, порядочностью, принципами...

- Да в чем, черт возьми, дело?!

Анна никогда не повышала голоса. Она была воплощением скромности и благородства и даже в гневе говорила спокойно и тихо, отчего ее противник начинал чувствовать себя чудовищем, так что этот неожиданный крик заставил Константина поднять глаза, но в них читалось не удивление, а ужас. Русинов мог навсегда потерять Анну, если бы она узнала, как низко он пал в своем стремлении обеспечить своей младшей дочери счастье и полноту жизни, которые обрели ее сестры.

Он стоял перед ней, подавленный чувством собственной вины, такой поникший и несчастный, что Анна, не выдержав, со слабым криком бросилась ему на грудь и обвила его шею руками.

- Я знаю, что все не так ужасно, как ты себе представляешь, - зашептала она ему на ухо, а добраться до его уха было настоящим подвигом, потому что

Русинов возвышался над ней на добрые пол-аршина. – Ну, говори же.

– Я устроил ее помолвку.

– Помолвку? – В голосе Анны прозвучало неподдельное облегчение. Не разжимая объятий, она откинула голову назад, чтобы видеть его лицо. – Слава Богу, – с чувством сказала она. – Я уж думала, ты кого-нибудь убил.

Выражение лица Константина оставалось таким же скорбным, как и раньше, но теперь по крайней мере он хотя бы смотрел ей в глаза.

– Мне кажется, я чувствовал бы то же самое, если бы убил кого-нибудь, – проронил он.

Глаза Анны вспыхнули. В эту минуту она готова была ударить его, а ведь никогда не подозревала, что способна на такое.

– Черт возьми, да говори же толком, пока не свел меня с ума! – закричала она, и Русинов отшатнулся.

Он привык к вспыльчивости дочери и всегда был готов ответить ей тем же, но от своей маленькой Анны он этого никак не ожидал! Впрочем, он заслужил ее презрение.

Собравшись с духом, он заговорил:

– Я написал графине Петровской.

Анна задумчиво нахмурилась:

– Мне кажется, я уже слышала это имя.

– Помнишь, я рассказывал о ее муже, Сергее?

– Твой близкий друг, да? Он умер... Пстой, лет тринадцать назад?

- Четырнадцать.

Русинов замолчал, и Анна снова нахмурилась, на этот раз от досады. Похоже, ей придется клещами вытягивать из него эту историю.

- Графиня, стало быть, его вдова, но какое отношение это имеет к помолвке? И когда ты успел ее устроить?

- На прошлой неделе.

Несмотря на свое раздражение, Анна все-таки надеялась, что он ответит по-человечески, а не будет отделяться междометиями.

- Но на прошлой неделе ты никуда не уезжал, - заметила она, - а гостей у нас не было.

- Алин помолвлена с сыном Сергея. Я напомнил об этом Марии и намекнул, что пришло время прислать сына за невестой, хотя, конечно, и не в таких выражениях. Я проявил весь свой дипломатический талант, но суть именно такова.

Анна не верила своим ушам - ведь она никогда не слышала ни единого слова об этой помолвке.

- Почему же ты молчал об этом раньше? Ведь вы наверняка заключили этот договор, еще когда Сергей был жив. Так зачем мы все это время подсовывали Алин всяких выгодных женихов, если она уже связана обещанием? Ведь он, кажется, кардинац[1 - Кардиния - вымышленная, придуманная автором страна. - Примеч. пер.], верно?

И снова Русинов ответил лишь на последний вопрос:

- Да.

Анна просияла:

– Тогда чем же ты недоволен, милый? От такой партии ты должен быть в восторге!

Она помолчала, чтобы собраться с мыслями.

– Только не говори мне, что ты вспомнил об этом только на прошлой неделе, – сказала она, придя к определенным выводам.

– Конечно, нет. – Константин повернулся, чтобы допить водку и налить себе еще. – Дело в том, что никакой договоренности о помолвке никогда не существовало.

У Анны перехватило дыхание:

– Что ты сказал?

Он снова отвел глаза и, прежде чем ответить, сделал глоток из рюмки.

– То, что я написал графине, – сплошная ложь, за исключением того, что мы с Сергеем действительно обсуждали возможную помолвку, когда родилась Александра. Мы тщательно все взвесили и решили, что это блестящая мысль, но никогда не существовало никакой письменной договоренности. В конце концов мы считали, что в нашем распоряжении еще достаточно времени. Александре тогда не исполнилось и года, а мальчику – всего только шесть. Итак, теперь ты понимаешь, что я наделал.

Анна вздохнула. Дела обстояли не так уж плохо, и все можно было еще поправить, если, не мешкая, послать графине другое письмо, но она желала сначала удостовериться, что все поняла должным образом.

– Итак, ты вспомнил о помолвке, которой никогда не существовало, заявил претензии, не имеющие под собой никакой почвы, и сделал это лишь потому, что твой друг мертв и не может опротестовать твоё заявление. Именно об этом ты так долго и не решался мне сказать.

– В тот момент, когда я писал письмо, я был пьян. Ты тогда осталась в селе, помогать роженице. Когда эта мысль пришла мне в голову, я счел ее

прекрасным решением всех проблем. Собственно говоря, у меня нет ни малейшего сомнения, что, если бы Сергей был жив, наши дети обвенчались бы еще семь лет назад.

- Может быть, и так, но ведь этого не случилось, а сейчас одной твоей уверенности маловато. Ты должен написать графине правду до того, как она пришлет сюда своего сына.

- Нет.

- Нет?

- Это по-прежнему останется прекрасным решением всех проблем.

Глаза Анны сузились:

- Так вот почему у тебя такой виноватый вид! Значит, ты не собираешься исправить то, что натворил?

- Это мой крест, и мне придется его нести, - упрямо ответил Константин. - Подумай, Анна, а вдруг они идеально подходят друг другу? И тогда одна маленькая ложь...

- Маленькая?

- Ну, безобидная, - настаивал он. - Что, если благодаря ей соединятся двое людей, которые иначе никогда бы не встретились, а между тем созданы друг для друга?

Анна покачала головой:

- Ты наивный мечтатель. А может, просто принимаешь желаемое за действительное, чтобы избавиться от чувства вины?

- Но ведь в этом нет ничего невозможного?

– Это с нашей-то Алин?

Ее скептический тон раздражал его, тем более что он лучше любого другого знал недостатки собственной дочери, но, словно забыв о них, продолжал гнуть свою линию:

– Ведь по крайней мере в одном Александре не откажешь: она красива.

– Этого никто не отрицает. Но разве от ее красоты у нее стало больше поклонников? Ты не хуже меня знаешь, что Алин отталкивает сильнее, чем пленяет, а мужчины обычно не любят преодолевать препятствия. Просто чудо, что англичанин так долго ухаживал за ней и до сих пор пишет ей письма. Хотя, быть может, у него просто хорошие манеры.

Напоминание об иностранце, завладевшем сердцем дочери и при этом не имевшем ни малейшего желания лелеять и хранить эту любовь, было неприятно барону. Если бы англичанин все еще был в России, Константину пришлось бы серьезно задуматься о том, не застрелить ли его. Но, слава Богу, теперь этот мужлан достаточно далеко отсюда!

– Мы с Сергеем были во многом схожи. Он любил прямоту, ненавидел лицемерие и уж, конечно, не был снобом. Я думаю, его сын унаследовал эти качества.

– Помнится, ты говорил, что твой друг был не прочь поволочиться за женщинами?

Ну, конечно, разве женщина может об этом забыть!

– Сергей никогда не питал особой любви к жене, – сухо пояснил барон. – Это был брак по сговору.

Анна бросила на него выразительный взгляд:

– А разве не то же самое ты пытаешься навязать ни о чем не подозревающему мальчику, да еще при этом соображаешь, что сын окажется более верным мужем, чем отец, или Алин согласится на что-то меньшее, чем полная и нерушимая супружеская верность? Ты же знаешь, как ревниво она относится ко

всему, что считает своим.

Я знаю твое возражение – «если». Ты ставишь на эту карту все свои надежды, а между тем даже ни разу не видел этого молодого человека. Кстати, он не так уж и молод, если на шесть лет старше Алин... Ему уже тридцать один и, весьма возможно, он давно женат...

– Он не женат.

– Откуда ты знаешь?

– От Богдана: он был в Кардинии по пути из Австрии, после того как доставил австрийскому герцогу одну породистую кобылку. Богдан знал, что я буду рад получить весточку от Петровских.

Анна пожала плечами в знак того, что возражение принято:

– Хорошо, не женат, но тем не менее он все-таки достаточно взрослый, чтобы принимать решения самостоятельно. И с чего ты взял, что он согласится жениться на женщине, которую ни разу не видел, только потому, что его отец когда-то договорился о помолвке. Он уже не дитя, чтобы беспрекословно подчиняться родительской воле, даже если бы Сергей был жив. И потом: разве Петровских не удивит, что среди их бумаг нет ни единого документа, удостоверяющего, что договоренность о помолвке действительно существует? Ведь после смерти Сергея они наверняка покопались в его архивах.

– Возможно, но у меня есть копия такого документа, и я покажу ее графу, когда он приедет. Граф не усомнится в подлинности подписи своего отца.

– Ты ее подделал?

– Это нетрудно, надо только немного попрактиковаться. Что же касается вопроса о том, как молодые воспримут известие о помолвке... – Константин помолчал и добавил почти бесстрастно: – Видишь ли, речь идет о чести. Хотя я и пожертвовал своей, для них это окажется ловушкой.

– А что, если у твоего кардинца другие взгляды и для него слово чести – пустой звук?

– Он сын Сергея, – возразил Константин, словно этого было достаточно, чтобы объяснить причину его уверенности.

Анна вздохнула. Было ясно, что все ее доводы пропали втуне. Проклятое русиновское упрямство! Вся семейка этим отличалась, но отец и младшая дочь – особенно. Стоило им закусить удила, и все старания переубедить их были напрасны.

Хотя Константина и угнетало сознание собственной вины, он цепко держался за свои доводы и считал это оправданием. Русинов желал своей дочери счастья, счастья любой ценой.

Анна понимала его и не могла винить: все родители желают своим детям счастья, но ведь его можно понимать по-разному: существует по меньшей мере сто определений счастья, и ни одно из них не похоже на другое.

После восьми лет совместной жизни, в течение которых Константин снова и снова делал Анне предложение, ему следовало бы уяснить, что не всякая женщина лелеет мечту о браке.

Решив по крайней мере попытаться втолковать это барону, она нежно коснулась его руки:

– Мне кажется, Алин вовсе не чувствует себя несчастной. Ты предоставил ей свободу, и она наслаждается ею. Ей нравится возиться с лошадьми, а муж никогда бы ей этого не позволил. У нее здесь друзья, и потом... она обожает тебя – конечно, когда вы не ссоритесь... Хотя, откровенно говоря, я думаю, ей нравятся даже ваши баталии. Тебе никогда не приходило в голову, что Алин вообще не создана для семейной жизни? Брак скорее всего стеснял бы ее, чтобы не сказать, душил... Конечно, если она встретит человека, столь же равнодушного к условностям, как и сама... Но это маловероятно.

– Или такого, который полюбит ее достаточно сильно, чтобы предоставить ей некоторую свободу, – перебил барон, – но будет способен отучить от всяких опасных выходок – ведь она то и дело рискует свернуть себе шею...

Барон, казалось, приходит в ярость от собственных слов, и Анна рассмеялась.

– Так, стало быть, ты хочешь убить сразу двух зайцев? – Она просияла, довольная своей догадкой. – И ты всерьез считаешь, что муж способен справиться с ее бесшабашностью, если даже тебе это не удалось?

– В любом случае беременность положит этому конец.

Это был серьезный аргумент. Материнство в корне бы изменило образ жизни Алин и уж по крайней мере удержало ее от участия в бешеных скачках. К тому же Александра от природы умела обращаться с детьми, и хотя никогда не говорила об этом, но, возможно, мечтала о собственных. И ведь собиралась же она замуж за англичанина и даже страстно этого желала. Значит, в принципе не имела ничего против брака.

Анна вздохнула. Надо взять себя в руки, а то она того и гляди наградит Константина аплодисментами за его безумную затею.

– Мы отвлеклись от главного, – решительно сказала она. – Ты вообще понимаешь, что происходит? Ты толкаешь Алин и сына своего друга на брак, которого ни тот ни другой не ожидают, и весьма вероятно, что они возмутятся – по крайней мере Алин-то уж наверняка. А вдруг они не подойдут друг другу? В такой ситуации их знакомство принесет больше вреда, чем пользы. И может кончиться тем, что Алин просто возненавидит мужа, а это едва ли обещает ей ту счастливую жизнь, которую ты предвкушаешь.

– Все это лишь досужие рассуждения!

– Но они более разумны, чем твои.

– Все станет ясно, когда они встретятся, – упрямо возразил Константин.

– Но если я окажусь права?

– Если станет очевидно, что они друг другу не подходят, я, разумеется, освобожу их от всяких обязательств и возмещу графу все затраты на поездку.

– Слава Богу, ты хоть не собираешься упорствовать в своем самодурстве, – саркастически сказала Анна, и Русинов, стараясь взять реванш, произнес:

– Сказать по правде, после того как я успешно отвел твои возражения, которые, кстати, приходили мне в голову и самому, я чувствую себя гораздо увереннее!

Анна уже собиралась сказать в ответ что-нибудь язвительное, как хлопнула входная дверь, минутой позже появилась Александра, на ходу отряхивая рукава такой же насквозь пропыленной меховой шапкой. Пыль мягким облачком оседала на пол, а любимец Александры, пес по кличке Терзай, разбрасывал ее своим длинным лохматым хвостом. Из прически девушки выбился длинный пепельный локон, упал на плечо и, наконец, спустился до самой талии. Ни отца, ни Анну Александра не замечала.

В мешковатых штанах, заправленных в высокие сапоги, Александра смахивала на молодого казака. Свою тонкую талию она туго перетянула красным кушаком, а под камзол надела белую рубашу с синей вышивкой на груди. Это был ее обычный костюм для верховой езды, как всегда, мятый и грязный.

– Гораздо, гораздо увереннее, – тихо прошептал Константин, так, чтобы не услышала дочь. – И я надеюсь, что новобрачный с первых дней семейной жизни установит определенные правила и будет следить за тем, чтобы они неукоснительно соблюдались.

Стиснув зубы, Анна, не смея достойным образом возразить в присутствии воспитанницы, не долго думая, вырвала из рук Константина недопитую рюмку и без малейших колебаний опрокинула ему на голову.

Обернувшись на шум, Александра увидела яростно отфыркивающегося отца с мокрой головой и залилась радостным смехом.

– Анна? И ты не выдержала? Я ведь предупреждала, что окажу на тебя скверное влияние, разве не так?

– Так, так, дорогая! Ты ведь знаешь, где найти ведро и швабру, да?

Поглядев на оставленный ею пыльный след, который потянулся за ней в холл, Александра спросила, все еще улыбаясь:

- До или после того, как мы с Терзаем вымоемся?

Предвидя неизбежный разгром, который учинит в ванной южнорусская овчарка, Анна вздохнула:

- Не думаю, что это имеет значение.

Лицо Александры озарилось улыбкой, которая с легкостью могла бы превратить любого мужчину в кисель, если бы она только знала, как это делается, и девушка отправилась на кухню, а собака, как обычно, потрусилась за ней по пятам. О ведре и швабре можно было бы и не упоминать: Алин всегда убирала за собой и своим огромным любимцем, и будь рядом хоть дюжина слуг, готовых по первому ее знаку броситься ей на помощь, Александра редко прибегала к их услугам.

- Анна?

Голос барона был тих, но похож на рычание. О, если бы она могла навсегда забыть этого разъяренного мужчину, стоящего у нее за спиной и источающего запах водки! Анна содрогнулась от отвращения к самой себе. Никогда, никогда еще она не унижалась до такого.

- Налить тебе еще рюмку? - предложила она, не оглядываясь.

За спиной послышалось фыркание:

- И мне удастся ее выпить?

После минутного раздумья Анна ответила:

- Может быть, и нет. - И вышла из комнаты.

Глава 2

Штефан Барони, правящий король Кардинии, не мог удержаться от смеха. Здесь, в цыганском таборе, он нашел наконец того, кого искал: своего двоюродного брата – тот лежал под деревом в обществе очаровательной девушки. Собственно говоря, девушек было три, чего Штефан не ожидал, но и это не вызвало у него удивления. Обеими руками Василий облапил двоих, а третья пристроилась у него за спиной, подставив ему под золотистую голову свою роскошную грудь в качестве подушки.

Ночной табор представлял собой шумное и пестрое зрелище: голые детишки играли и боролись, а их матери отплясывали дикие танцы; у каждого костра пели и рассказывали байки, а в котлах дымилось варево из украденных днем кроликов и кур. Эти цыгане были весьма искусны в краже и торговле лошадьми, но среди них попадались и другие – мастера кузнечного дела, специалисты по всякого рода починке. Многие из них занимались дрессировкой карпатских медведей или заклинали змей, но все без исключения были отличными музыкантами и танцорами.

Однако в большинстве своем кардинские цыгане занимались скотоводством: они кочевали по стране, перегоняя с пастбища на пастбище обширные стада водяных буйволов и просто коров. Кроме того, для них было обычным делом сдавать своих женщин напрокат, заниматься знахарством, вызывая возмущение городских врачей, а также предсказывать судьбу и торговать приворотным зельем.

– Ну, что я тебе говорил? – победно спросил Лазарь, стоявший по правую руку короля. – Он все еще жаждет вольности.

Симон, стоявший слева, насмешливо фыркнул:

– Он жаждет женщин, и чем больше, тем лучше, а цыгане всегда готовы поставлять их в любом количестве.

Штефану было нечего возразить, ибо он, будучи еще наследным принцем, сам провел немало времени в цыганских таборах и хорошо знал их обычаи. Но теперь гарцевать перед юными цыганками и танцевать при свете костра было

недостойно его королевского сана. Да это его больше и не прельщало: сейчас Штефан гарцевал только перед своей королевой. Но вид табора вызвал у него приятные воспоминания.

– Думаю, вы, двое, захотите остаться с ним здесь, – шутливым тоном сказал Штефан: несмотря на свои презрительные отзывы, его друзья тоже хранили нежные воспоминания о таборе.

– Ты хочешь сказать, что нам не удастся заманить твоего кузена в город? – спросил Лазарь.

– Тетка просила всего лишь найти Василя. Когда бы он ни появился, она всегда будет рада.

Теперь уже ухмыльнулся Симон:

– Хорошо, что старый Макс не требует, чтобы мы, все трое, тебя охраняли, а то бы пришлось тащиться с тобой в город.

Старый Макс, Максимилиан Данев, был премьер-министром Кардинии, а для Штефана вторым отцом. Обе свои обязанности он выполнял крайне ревностно и, если Штефану случалось покидать дворец, всегда настаивал на том, чтобы короля повсюду сопровождал соответствующий эскорт.

Свою охрану Штефан оставил неподалеку от табора, чтобы не возникло ненужных недоразумений, и все же его появление вызвало некоторое волнение, потому что цыгане узнали короля. Хотя в последний раз, когда табор кочевал по землям Кардинии, Штефан еще не принял сан, цыгане, перейдя границу, немедленно навели справки обо всех переменах в королевстве: необходимая предосторожность, чтобы не подвергнуться внезапным гонениям на этой земле.

«Бульбаши» уже топтался с нерешительным видом перед своим шатром в окружении старейшин. Но Штефану не хотелось тратить время на бесконечные приветствия и изъявления почестей, потому что эта процедура грозила затянуться на несколько часов, а Таня, ждавшая его во дворце, подзадорила короля обещанием исполнить для него нынче вечером свой танец. Поэтому Штефан повернулся к Симону и сказал:

– Передай предводителю, что это не официальный визит, а всего лишь семейное дело. – И, почтительно поклонившись «бульбаши» в знак своих добрых намерений, поспешно направился к своему кузену.

Его поклон успокоил весь табор, и пение и пляски сразу же возобновились, а вокруг Штефана мгновенно образовалась целая толпа женщин, молодых и старых, готовых выцарапать друг другу глаза за честь услужить королю, ибо щедрость его была хорошо известна и столь велика, что семья из десяти человек могла не работать и не воровать целый год за счет его даров.

Краем глаза Штефан заметил, что Лазарь бросает женщинам пригоршни монет и отмахивается от них, чтобы оградить своего короля от их назойливого внимания. Сам же он был целиком поглощен Василием и как зачарованный наблюдал за доблестными усилиями кузена оделить своими милостями сразу троих дам и уже готов был расхохотаться, видя, как тот ухитрялся справиться с этой задачей: своих бабенок он целовал по очереди, а руки его ласкали всех троих одновременно. Правда, против ожидания, женщины и не пытались соперничать друг с другом; вероятно, они уже сообразили, что даже если их кавалер и не сумеет убажить всех троих за раз, то до исхода ночи все равно уделит достаточно внимания каждой из них по очереди.

Вероятно, все они имели в таборе мужей, но Василий мог не опасаться, что ему всадят нож в спину, когда он будет покидать табор. Для цыганок было в порядке вещей отдаваться за деньги, в этом заключалась их профессия, и, если партнер не был цыганом, никто не возражал. Но стоило какой-нибудь из них бросить неосторожный взгляд на своего соплеменника, как муж готов был уже убить ее. Цыгане жили и умирали по своим особым законам, за исполнением которых ревностно следил их «бульбаши».

Василий был так поглощен своим занятием, что даже не заметил, как табор внезапно затих, а потом так же внезапно ожил, не слышал он и того, как подъехали его друзья. Поэтому Штефан с Лазарем некоторое время просто сидели на некотором расстоянии и наслаждались спектаклем. Для Штефана это зрелище было тем более захватывающим, что он никогда еще не видел, как его кузен раскидывает сети своей любовной магии: ведь Штефан сам бывал занят точно тем же, когда с тремя ближайшими друзьями отправлялся на поиски наслаждений.

Василий тем временем стремительно продвигался вперед: одежда летела во все стороны, и, судя по всему, он уже забыл, что обычно делами такого рода занимаются в некотором уединении. А может, просто достиг такой точки, когда уже ничто не имеет значения.

Одна из его поклонниц заметила зрителей, но, как видно, для нее это было не важно, ибо она была очень занята тем, что ласкала могучую мужскую грудь, только что бесстыдно обнаженную ее подругой. Ничего удивительного – таково уж было воздействие Василия на женщин. Его общество заставляло их забыть о скромности, морали и общественном мнении на всю оставшуюся жизнь. Где бы он ни появлялся и что бы ни делал, женщины тут же начинали искать с ним встречи, а встретившись, рвались к нему в постель. В то время как другим приходилось долго и мучительно добиваться благосклонности женщин, Василию достаточно было войти в комнату и поманить пальцем любую. Собственно говоря, хватало только его присутствия – женщины сами тянулись к нему.

Его мужественная красота всегда манила слабый пол, но его друзьям от этого тоже немало перепадало, и потому они не завидовали его удаче. И хотя на первый взгляд могло показаться, что успех у женщин – самое главное для Василия, впечатление это было обманчивым. Не всю свою жизнь он посвятил погоне за любовными утехами – по крайней мере большую ее часть проводил совсем иначе.

Василий был отлично сведущ во всех четырех воинских искусствах и во время коронации Штефана исполнял многочисленные обязанности. Но особенно серьезно он относился к своей обязанности члена королевской гвардии – Василий был личным телохранителем Штефана и ни в коем случае не оказался бы здесь, если бы знал, что вечером король собирается покинуть дворец, а вот приехал бы сюда Штефан, если бы не Василий, – спорный вопрос. Прежде чем заняться собственными делами, Василий неизменно справлялся у короля, не нужен ли он.

В этот момент ублажавшие Василия гурии решили наконец потребовать удовлетворения собственных взбудораженных желаний, и, чтобы сохранить мир и спокойствие, Штефан звучно кашлянул: он не мог позволить Лазарю поддаваться искушению поддразнить Василия, упрекнув того в нескромности. Штефан знал, что дело кончится потасовкой, хотя потом они оба лишь посмеялись бы над этим.

Уловка не сработала – Василий не услышал кашля. Вторая попытка привлечь его внимание тоже не увенчалась успехом.

Тогда Лазарь довольно громко заметил:

– Цыгане давно бы уже разбогатели, если бы догадались продавать билеты на это представление.

А потерявший терпение Симон добавил:

– Похоже, что Василию все равно. А зрелище, черт побери, будет почище, чем новая пьеса, которую уже вторую неделю играют в театре «Гранд».

Василий встрепенулся и со стоном уставился на них; но стон был вызван не замешательством, а тем, что его прервали.

– Как вы, черт возьми, нашли меня?

– Ты ведь сказал Фатиме, куда собрался, – пояснил Штефан и, бросив взгляд на женщин, даже не попытавшихся привести в порядок одежду, которой на них оставалось не так уж много, добавил: – Кстати, она не возражает?

– У Фатимы на меня не больше прав, чем у меня на нее.

Она получила свободу, чего же еще ей надо?

– Мужа.

– Всякий раз, когда я заговариваю об этом, она плачет, – сказал Василий с таким отвращением, что вся троица дружно расхохоталась. Фатиму подарил Василию Великий Визирь Турции, и она была красивой и чувственной девушкой, обученной всем женским ухищрениям, позволяющим доставить мужчине удовольствие. Возможно, Василий и подарил ей свободу, но слабо верилось, что он достаточно часто предлагал Фатиме найти ей мужа.

Василий не обиделся на насмешку, но был чрезвычайно раздосадован тем, что их неожиданное появление помешало ему должным образом распорядиться

тремя парами великолепных обнаженных грудей.

– А ты как здесь очутился, Штефан? И почему мне никто не сказал, что сегодня вечером ты собираешься куда-то поехать?

Усмехнувшись, Штефан внимательно поглядел на кузена:

– Если бы ты не поленился принять гонца от матери в любой из трех минувших дней вместо того, чтобы делать вид, что тебя нет дома, ей не пришлось бы обращаться ко мне с вопросом, куда это я тебя усрал. Кстати, а как ты ухитряешься не встречаться с ней во дворце?

Василий нетерпеливо провел рукой по золотистой шевелюре:

– Это нелегко. И ты, значит, объяснил ей, что никуда меня не отсылал?

– Нет, я только пообещал найти тебя и прислать к ней как можно скорее. Почему ты ее избегаешь, кузен?

– Потому что всякий раз, получив от матери официальное приглашение, я готов биться об заклад, что мне это будет не по душе. Она опять начнет меня пилить и убеждать, что пора жениться, как три месяца назад, или отчитает за мою последнюю интрижку.

– Какую? – любопытно спросил Штефан.

– Ту, о которой ей удалось прознать.

Так как у Василия в столице была не одна любовница, а сразу три, не считая Фатимы, обосновавшейся у него дома, а также несметного количества других женщин, постоянно вешавшихся ему на шею, то комфорт, с которым он расположился в таборе, был достоин всяческого удивления. Как и любой другой мужчина, по крайней мере свободный от любви к определенной женщине, Василий в отличие от Штефана любил разнообразие, но вкусил его уже столько, что любой другой на его месте давно бы уже пресытился.

– Может, ты пошлешь меня куда-нибудь? – с надеждой спросил Василий.

Штефан рассмеялся:

- Только не сейчас - ведь я обещал тетке доставить тебя даже лично, если потребуется. На этот раз, дружок, тебе придется смириться с нравоучениями, пилежкой и язвительными упреками. А в следующий раз предупреди заранее, и я пошлю тебя хоть в Австрию, хоть во Францию, и даже на несколько месяцев, хоть и не вижу в этом большого смысла, потому что, когда ты вернешься, твоя мать будет тут как тут. Ты бы лучше подумал над тем, чего она от тебя добивается.

- Чтобы я женился? - фыркнул Василий. - Да это просто смешно. Меня никогда бы не удовлетворила только одна женщина.

- А кто сказал, что ты должен ограничивать себя?

Василий бросил на Штефана кислый взгляд:

- У твоей королевы старомодные представления о верности, говорю это на случай, если ты сам еще не заметил. Господи, да если я женюсь, мне придется скрывать это от Тани, иначе она возьмет с меня клятву, чтобы в мою постель допускалась только графиня и никакая другая женщина.

Симон с Лазарем рассмеялись еще до того, как он закончил свою тираду, но Штефану было не до смеха.

- Таня тебе что-нибудь об этом говорила?

- Только то, что мне следовало бы посвятить как можно больше времени поискам настоящей женщины, то есть столько же, сколько я трачу на погоню за недостойными. Уж не знаю почему, но она вбила себе в голову, что я несчастлив. Ты можешь такое вообразить? Да я и помыслить не могу о том, чтобы стать счастливее!

- Она влюбленная женщина, - заметил Лазарь, - а влюбленным женщинам хочется, чтобы все вокруг тоже были влюблены.

– Может, и так, но скорее всего ей накапала моя мамаша, ведь она готова жаловаться любому, кто согласится ее выслушать, – ответил Василий. – Это прямо божеское наказание – быть единственным ребенком, у которого мать к тому же озабочена продолжением рода.

– Скажи спасибо, что у тебя нет царственного отца, который пекся бы о том же, – сухо заметил Штефан.

Все рассмеялись, но в прошлом году, когда Штефана отправили в Америку на поиски своей суженой, им было совсем не до смеха.

Штефан был вне себя от ярости и с ужасом думал о браке. Но, к счастью, внезапная любовь к царственной наследнице поразила его в самое сердце, и, что еще удачнее, княжна тоже полюбила Штефана.

Внезапно Василия осенила счастливая мысль:

– Я придумал! Почему бы тебе, Штефан, не приказать моей матери снова выйти замуж? Тогда бы ей не пришлось думать только о внуках, нашлись бы и другие заботы.

Продолжая улыбаться, Штефан покачал головой:

– Я слишком люблю свою тетку, чтобы приказывать ей делать то, чего ей самой не хочется. Лучше скажи, как это ты оказался тут один? Ведь обычно ваша троица неразлучна.

Наконец улыбнулся и Василий:

– Собственно говоря, я приехал сюда за новой лошастью. Динику прислал парня сказать мне, что у него есть отличный жеребец.

При этих словах Лазарь, такой же страстный любитель породистых лошадей, как и Василий, оживился:

– И ты купил его?

– Он оказался хуже, чем я думал.

– Ну да, – понимающе кивнул Лазарь. – И ты решил вознаградить себя за бесплодную поездку?

– Разумеется. Конечно, я буду только рад, если вы с Симоном составите мне компанию, но к тебе, Штефан, это не относится.

– Да я бы и не принял твоего приглашения, – усмехнулся Штефан.

– И все же не буду рисковать, – заверил его Василий. – Королева снизошла до того, чтобы простить меня, и теперь я на ее стороне.

Штефан насмешливо приподнял бровь:

– А ты уверен? Она по-прежнему называет тебя павлином. Ты это знаешь?

– Да, – самодовольно ответил Василий. – Но теперь она произносит это слово с нежностью и не добавляет эпитета «безмозглый», который так хорошо с ним сочетается.

Штефан хмыкнул. Его жена не отличалась излишней тактичностью, и даже то, что она была королевой Кардинии и почти всегда находилась на людях, не могло обуздать ее острого язычка. Впрочем, двор уже начал привыкать к ее американским манерам и полному отсутствию дипломатических способностей.

Слова Василия напомнили королю, что Таня дожидается его, чтобы выполнить свое обещание.

– Мы забыли о твоей матери.

– Я пытался забыть, – проворчал Василий, и его руки обвили талии двух цыганочек. – Имей сострадание, кузен. Скажи ей, что не сумел меня найти.

– И не надейся! Через два часа ты должен явиться в отчий дом. Лазарь и Симон позаботятся о том, чтобы ты пришел вовремя. А пока что наслаждайтесь, друзья мои!

Лазарь и Симон уже спешили, предвкушая приятные минуты, но, когда Штефан направил коня в сторону от табора, Василий вдруг вскочил и закричал ему вслед: «Погоди!», стремительно выхватив свою рубашку из-под прелестного бедра. Женщины громко запротестовали, и Лазарь, поняв, что Василий, как всегда, ставит дело превыше удовольствий, тоже попытался возразить:

- Не будь глупцом, Василий. Там двадцать человек охраны.

- Этого недостаточно, - возразил Василий и заметался в поисках своего плаща.

Симон разочарованно заморгал, но доказывать, что Штефан возмутится тем, что Василий считает его неспособным позаботиться о собственной персоне за время короткого путешествия во дворец, было бессмысленно: короля скорее всего только позабавит, что Василий готов оставить таких покладистых бабенок, когда в этом нет решительно никакой необходимости.

Симон со вздохом поставил ногу в стремя, но Василий остановил его:

- Одного из нас будет вполне достаточно. Вы оба можете остаться, тем более что дамы уже разогрелись.

- Да, но ведь распалил-то их ты!

- Так скажите «спасибо»! У меня нет ни малейшего желания выслушивать материнские нотации, но раз уж вы непременно хотите ехать вместе, то я, в свою очередь, позабочусь, чтобы и вы испили чашу сию.

- В таком случае - до завтра.

Глава 3

Тем же вечером графиня Петровская встречала сына в гостиной. Выражение ее лица было куда менее светским, чем обычно, и сильно отличалось от того, с каким она всегда потчевала сына своими нравоучениями. Графиня казалась

такой довольной и счастливой, что Василий засомневался, верно ли он догадался о причинах этого приглашения.

На собственном опыте он убедился, что хорошие вести всегда сближали его с матерью, и в таких случаях она, как правило, старалась первая обрадовать сына. Так это, возможно, он сделал ошибку, избегая матери и скрываясь от ее гонцов. В конце концов Василий по-настоящему любил мать и старался по мере возможности не огорчать ее понапрасну.

Правда, у нее уже вошло в привычку здесь, на собственной территории, в доме, где Василий родился и вырос, только бранить и распекать сына, заранее ожидая от него отпора.

То, что двенадцать лет назад он переселился отсюда сначала во дворец, чтобы быть всегда под рукой у Штефана, а потом и в свой собственный городской дом, не имело ни малейшего значения. Его мать по-прежнему пребывала в уверенности, что в стенах родного дома, и в особенности в гостиной, у нее есть полное право проявлять свою власть над сыном.

«Как бы не так», – подумал про себя Василий.

Ему удалось застать графиню до ее отъезда на прием, и он рассчитывал поскорее покончить с делами и провести остаток ночи по своему вкусу. Василий надеялся, что общество, к которому собиралась присоединиться мать, достаточно представительное, чтобы решиться на опоздание, а это давало основание полагать, что их беседа не затянется. Впрочем, ее пышное платье и несметное количество драгоценностей, которыми она себя украсила, еще не свидетельствовали о важности предстоящего вечера, ибо графиня никогда не появлялась в обществе, не будучи одетой богато, пышно и модно.

Мария Петровская была красивой пожилой женщиной, ставшей с годами, пожалуй, еще очаровательнее, чем в молодости. Ее выдающийся подбородок и патрицианский нос, лишённые всяких признаков женственности, придавали ей сходство с братом Шандором, покойным королем, а фигура ее и в юности была крепко сбитой и плотной, но теперь, принимая во внимание ее возраст, это можно было бы любезно назвать приметой зрелости.

Сын всегда служил для нее одновременно источником изумления и неистовой гордости. Внешностью, правда, он пошел в отца, а от матери унаследовал лишь свои замечательные глаза Барони, глаза столь светлого коричневого оттенка, что, когда он волновался, они казались золотыми.

У молодого короля, кстати, были такие же глаза, но у того в сочетании с черными как вороново крыло волосами и смуглой кожей они выглядели довольно жутковато, а при золотистых волосах и бледной коже Василия лишь служили прекрасным дополнением к его тонким чертам и изящной фигуре, делая их владельца еще красивее.

– У тебя недостойный вид, – первое, что сказала мать Василию, едва увидев сына.

Он не дал себе труда зайти домой и переодеться, и, естественно, одежда его была слегка помята, а волосы всклокочены многочисленными руками, жаждавшими этим вечером ощутить их шелковистость. Правда, Василий в любой одежде имел слегка плутоватый вид, но женщины считали, что это невероятно эротично.

Услышав замечание матери, он немного занервничал: она улыбается – значит, что-то тут наверняка не так!

Его глаза сузились, и он подозрительно поинтересовался:

– А у тебя чересчур злорадный! С чего бы это, мама?

Она рассмеялась:

– Честное слово, ты несносен! Разумеется, я никогда не стала бы злорадствовать. – И добавила с улыбкой: – Может быть, нальешь нам по бокалу вина?

Решив до поры до времени подыгрывать ей, Василий улыбнулся в ответ:

– Великолепная мысль. – И направился к буфету, где держали разнообразные напитки для гостей, по пути пробормотав: – Судя по всему, мне это пригодится.

Он потянулся было к графину с вином, но мать остановила его:

- Пожалуй, я тоже выпью немного твоей великолепной водки.

Василий замер с протянутой рукой и нахмурился:

- Ты ведь не любишь водку.

- Верно, - пожала плечами Мария. - Но мне кажется, сегодня это уместно.

Она снова улыбнулась и опустилась на диван. Василий налил ей небольшую стопочку и вернулся к буфету за бутылкой, после чего уселся на стул напротив матери. Дважды он наполнял свой стакан, прежде чем почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы сказать:

- Ну что ж, приступим к беседе. Я вижу, ты чем-то отвратительно взволнована?

- В ближайшую неделю ты должен будешь поехать в Россию.

- И от этого ты в таком восторге?

Она кивнула, и улыбка ее стала еще шире и ослепительнее:

- Именно так, потому что там тебе предстоит познакомиться со своей невестой и привезти ее сюда.

Единственное, что пришло в голову Василию, так это сказать:

- Я не Штефан, мама. Это он ездил к черту на рога за своей невестой, но у меня, слава Богу, невесты нет.

- Теперь есть.

Вскочив со стула, он навис над Марией словно разъяренный тигр. Впервые в жизни мать до такой степени вывела его из себя. Василий ненавидел любые попытки вмешаться в его собственную жизнь, и мать об этом знала и всегда

относилась с уважением к его принципам. Ей разрешалось читать сыну нотации, беспокоиться о нем и волноваться за его судьбу, но такое!..

И неужели она воображает, что это ей сойдет с рук?!

– Не знаю, что ты там задумала, но тебе придется идти на попятный, и немедленно! Мне все равно, как ты это сделаешь, ты заварила кашу, ты и расхлебывай, но я больше не хочу слышать об этом ни единого слова!

Невероятно, но графиня по-прежнему улыбалась и, по-видимому, вовсе не собиралась скрывать от сына причину своего хорошего настроения.

– Пару слов тебе все-таки придется услышать, мой золотой...

– Мама... – угрожающим тоном начал он.

– Видишь ли, я ничего не сделала, и мне не придется ничего улаживать.

– Что за чушь! Конечно, ты...

– Нет, не я. Дело в том, что своей невестой, которая тебя ждет не дождется, ты целиком и полностью обязан своему отцу.

Усилием воли Василий взял себя в руки. Столь неуклюжие шутки были не в характере его матери, и он подумал, что за всем этим наверняка что-то скрывается.

– И как же он сумел организовать мою помолвку? Из могилы?

Она задохнулась от гнева:

– Побойся Бога, Василий!

– Значит, это твоя шутка, – возразил он.

- Шутка? Да ты оскорбляешь меня, считая, что я стала бы шутить подобными вещами...

- Но ведь прошло уже четырнадцать лет...

- Я не хуже тебя знаю, когда умер твой отец. - Ее тон был колючим, она все еще сердилась. - Но, судя по тому, что говорится в полученном мной письме, договор о помолвке был заключен пятнадцать лет назад - видимо, когда твой отец в последний раз ездил в Россию.

- То есть он чуть ли не женил меня и даже не обмолвился об этом ни тебе, ни мне? Что за чушь!

- Не знаю, почему он никогда об этом не упоминал, но, без сомнения, дело обстоит именно так. Может быть, отец считал, что впереди еще достаточно времени. В конце концов ты ведь был еще так молод...

- В то время мне, должно быть, было шестнадцать, и едва ли я лежал в колыбели, - огрызнулся Василий.

Словно не слыша, графиня продолжала:

- Но в следующем году он умер.

Глаза Василия сверкнули. Положение было слишком серьезным, чтобы ограничиться одним возмущением.

- Это ложь, - с чувством заявил он. - У него не было никаких причин, чтобы сделать такое.

На этот раз ее улыбка говорила, что сыну предстоит услышать нечто малоприятное.

- Причина есть. Твоя нареченная - дочь лучшего друга Сергея, барона Русина. Ты должен помнить, как часто отец говорил о нем и как высоко его ценил. Каждый год он на несколько месяцев уезжал в Россию, чтобы погостить у друга.

Василий все отлично помнил, в том числе и то, сколько времени отец проводил вдали от дома. А когда Василий с друзьями отправились в большое путешествие – оно включало посещение России и императорского дворца, – он узнал не понаслышке, чем привлекала отца эта страна. Тамошние аристократки были неслыханно смелы и крайне неразборчивы в связях и не ждали брака, чтобы обзавестись любовниками. Судя по всему, добродетель и девственность не имели там большой ценности, как во всем цивилизованном мире.

– Так что я легко могу представить твоего отца подписывающим договор, – продолжала графиня. – В конце концов, даже в Кардинии у него не было такого друга, и, если бы наши семьи породнились, он был бы в восторге.

Слово «договор» привело Василия в ярость, и одновременно его охватила паника.

– Но барон-то почему молчал пятнадцать лет?!

Мария пожала плечами:

– По тону письма я поняла, что он не считал, что сообщает нам нечто неизвестное.

– Но почему именно сейчас? Она что, школьница и он ждал, пока она вырастет?

– Барон не говорит о ее возрасте, но, видимо, она не так уж молода, раз он пишет, что девушка не спешила с замужеством, и поэтому он до сих пор не поднимал вопрос о помолвке. Кстати, он упоминает, что ждал письма от тебя, но раз ты сам не пишешь...

– Дай-ка я взгляну на это чертово письмо.

По-видимому, графиня ожидала этой просьбы и тотчас же извлекла письмо из кармана юбки. Василий рывком развернул его и пробежал глазами изящные строчки. Барон писал по-французски, а Василий рассчитывал, что письмо будет по-русски – тогда оставалась еще слабая надежда, что мать могла неправильно понять его смысл, потому что, хотя оба они говорили по-русски бегло, никто из них не умел свободно читать и писать на этом языке. Но французский язык был

весьма распространен при дворе Кардини, так что письмо не допускало возможности иного истолкования. При всей дипломатичности изложения было ясно, что оно содержит требование оказать уважение к договоренности о помолвке, согласно которой Василий Петровский должен был жениться на Александре Русиновой.

Василий скомкал письмо и швырнул его через всю комнату. По пути оно задело вазу с цветами и скатилось на пол. Едва удержавшись, чтобы не втоптать его в ковер, Василий схватил недопитую бутылку и поднес ее к губам, плюнув на то, что мать сочтет подобное поведение верхом грубости и невоспитанности. Она осуждающе кашлянула, но Василий как ни в чем не бывало сделал несколько внушительных глотков и, обернувшись, ответил на ее неодобрительный взгляд насмешливым поклоном, а потом, напустив на себя равнодушный вид, хотя внутри у него все кипело, сказал:

– Ну что ж, придется ответить на это письмо, мама. Ты можешь написать, что я уже женат. Или что я умер. Мне все равно, что ты там придумашь, но барон должен понять, что я не могу жениться на его дочери.

Графиня выпрямилась и, поджав губы, приготовилась к бою.

– Конечно, ты можешь.

– Могу, но не сделаю. – Он снова поднес бутылку к губам.

– Сделаешь!

– Нет!

Василий закричал так громко, что оба удивились. Ни разу в жизни сын, как бы ни был раздражен, не повышал голоса на мать. Но сейчас в нем кипела ярость, вполне понятная для человека, который угодил в ловушку.

Тонем ниже, но не менее выразительно молодой человек добавил:

– Когда я буду готов к браку, я женюсь, но это будет мое решение и мой выбор.

Решив поставить на этом точку, Василий уже направился к выходу, не забыв прихватить и бутылку водки, но ушел недалеко – слова матери впились ему в спину тысячью острых осколков:

– Даже такой отпетый негодяй, как ты, не опозорит имя своего отца.

Глава 4

Таня слегка приподняла вуаль, ровно настолько, чтобы, поддразнивая, провести язычком по обнаженной груди Штефана, по его едва выступающим соскам. Он застонал и потянулся к ней, но она издала предупреждающее восклицание, и его руки снова легли на спинку шезлонга и вцепились в нее мертвой хваткой.

Штефан был уже на грани безумия, ибо не имел права даже дотронуться до своей жены, сидящей у него на коленях, особенно если учесть, что на нее такое ограничение не распространялось. Но они заключили сделку. Таня обещала станцевать сегодня для него при условии, что он будет держать свои чувства под контролем. Штефан дал слово, и Таня уже начала свой танец, а он испытывал дьявольские муки, стараясь сдержать клятву, а эта маленькая ведьмочка решила вдобавок еще и поддразнить его, раз уж ей выпала такая удача.

В ту ночь, когда они впервые встретились в таверне в штате Миссисипи, Таня отплясывала зажигательный танец, танец одалиски – во всяком случае, так она его понимала, – а на нее глазела ватага алчных речных крыс-шкиперов. Штефан решил купить ее за пару монет и попытался это сделать.

Правда, тогда он не знал, как не знала этого и Таня, что она как раз и есть та самая исчезнувшая принцесса, на поиски которой он был послан, та самая нареченная невеста, с которой он был обручен со дня рождения.

Однажды вскоре после свадьбы он попросил ее еще раз исполнить этот танец. Ее соблазнительный, хотя и довольно скромный костюмчик остался в Америке, и она решила использовать одно из своих шелковых negligé.

Штефан среагировал на танец весьма неожиданно: он так воспламенился, что их объятия, и без того невероятно сладостные, с его стороны были в тот раз, пожалуй, чересчур бурными и грубыми.

Но Таня не сетовала и даже смеялась потом, восхищенная тем, что смогла добиться от мужа полного самозабвения. Любовницы Штефана имели обыкновение жаловаться, что его ласки оставляют на их теле синяки и царапины, но страсть королевы всегда была равна по силе его собственной. Ей нравилось дразнить мужа и доводить до безумия, и Таня даже смастерила новый костюм, специально для этой цели.

Однако на сей раз данное им обещание не имело ничего общего с ее собственными наклонностями, зато было непосредственно связано с ее новым состоянием, не так давно окончательно подтвердившимся. К восторгу своих подданных, королева Кардинии носила под сердцем царственного наследника и неукоснительно соблюдала все советы придворных врачей, а значит, Штефан больше не имел права терять над собой контроль.

– Ничего, ничего, я тебе еще отомщу, – произнес он, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал буднично, но чувства его при этом были далеко не будничными.

Таня подняла голову, и за прозрачной тканью, почти такой же бледно-зеленой, как ее глаза, Штефан разглядел улыбку.

– Интересно как?

– Я знаю купца, который торгует тонкими шелковыми шнурками, – ответил он.

– Ты привяжешь меня шнурком и будешь заниматься со мной любовью? – В ее голосе послышалось любопытство, свидетельствующее о том, что в глубине души она ему поверила.

– Я еще подумаю. – Теперь голос Штефана звучал как рычание, смешанное со стоном.

Улыбка Тани стала шаловливой.

– Когда надумаешь, скажешь!

Отклонившись назад, Таня сделала легкое движение головой, ее язык прошелся по его груди вниз, к пупку. Штефан судорожно втянул воздух, и его бедра сами собой резко поднялись так, что он едва не сбросил ее с колен.

– Таня, я не-могу-этого-больше-выносить, – задыхаясь, пробормотал он.

Она тотчас сжалась над ним.

– Ну и не выноси, – сказала она нежно и села, чтобы отбросить двойное покрывало, закрывавшее нижнюю часть лица и длинные черные волосы. Ее костюм состоял из двух частей, и верхняя часть была настолько прозрачна, что не хватало слов. Штефан был готов сорвать с нее все, был готов целовать ее прямо сквозь покрывало. Но данное слово не позволяло ему этого. Он был целиком во власти своей королевы и зависел от ее милости. К счастью, это его ничуть не тревожило.

С улыбкой, обещавшей скорое наслаждение, Таня потянула за шнурки его домашних шаровар, но тут же замерла, услышав за дверью подозрительный шум: сначала возбужденные голоса, потом звуки потасовки и, наконец, явственный глухой удар.

– Что за... – начал было Штефан, но на его невысказанный вопрос тут же последовал немедленный ответ – дверь с грохотом распахнулась, и в комнату пуль влетел его кузен.

С приглушенным криком Таня скатилась с колен Штефана и уселась на корточках на полу, чтобы скрыться из вида, пока доставала свое платье с шезлонга, куда бросила его перед тем, как начать танец. Следя поверх королевского живота за нарушителем спокойствия, она стремительно набросила на себя одежду.

Василий ничего не заметил, ибо королевская спальня была так велика, что он, находясь всего лишь на полпути, произнес, еще не видя Штефана:

– Приношу свои извинения, что нарушил твой покой, но у меня затруднения, и я в ярости. Боюсь, я убью кого-нибудь, если не найду решение.

– Но, надеюсь, ты еще не убил моего стража? – холодно спросил Штефан, и Василий повернулся на звук его голоса.

– Что? Нет, конечно, нет. Я только сбил его с ног. Проклятый дурак не давал мне войти.

– Возможно, потому, что я приказал, чтобы мне не мешали, и у меня были к тому основания.

Штефан уселся на шезлонге, и к нему присоединилась Таня. Обняв жену за талию, Штефан притянул ее к себе. По их виду любой бы догадался, что это были за основания.

Но, осознав увиденное, Василий лишь снова извинился:

– Прошу прощения, но мое дело не терпит отлагательств, Штефан. Это хуже всякого кошмара, такое безумие, что ты и не поверишь. Мне самому до сих пор не верится.

– Как ты думаешь, он пьян? – шепнула Таня на ухо Штефану.

– Шш, – ответил он и повернулся к Василию. – Я полагаю, ты только что от матери?

– О да! Она вне себя от радости, но если бы мне только намекнули, в чем тут дело, я бы давно уже был на полпути к границе и сделал бы все, чтобы меня никогда никто больше не нашел. Разве она тебе не говорила? Черт возьми, Штефан, если ты знал и ничего мне не сказал...

– Успокойся же, кузен...

Василий взял себя в руки и сказал в третий раз:

– Прошу меня простить. У меня голова идет кругом, а скоро, глядишь, и жизнь пойдет ко всем чертям, если мы не придумаем что-нибудь радикальное...

– Было бы неплохо, если бы ты сначала рассказал мне, в чем дело.

Василий оторопел:

– А разве я не говорил? – И не успел Штефан ответить, пояснил: – Я только что узнал, что пятнадцать лет назад мой отец подписал бумагу о моей помолвке. На ней стоит мое имя. Это документ! Моя мать об этом даже не подозревала, и все эти годы о существовании его знали только девушка и ее отец и только теперь, когда она, по-видимому, рвется замуж, побеспокоились сообщить и нам.

– А кто она?

– И это все, что ты можешь сказать? – Василий уже почти кричал: – Да какое, черт возьми, дело, кто она, если я не имею ни малейшего желания на ней жениться!

– Но ты же знал, что когда-нибудь тебе так или иначе придется жениться, – рассудительно заметил Штефан.

– Но уж по крайней мере не в ближайшие десять лет! Впрочем, дело не в этом. Теперь вдруг оказывается, что я обручен с девицей, которую и в глаза не видел, и не говори мне, что в свое время ты оказался в таких же ужасных обстоятельствах, потому что ты с детства знал о своей помолвке, а я рос в уверенности, что право решать принадлежит мне.

– Видя замечательный результат моей помолвки, ты вряд ли дождешься от меня сочувствия, кузен.

– Черта с два, не дождусь! – огрызнулся Василий. – Будь любезен, вспомни, что ты чувствовал до того, как встретил свою распрекрасную супругу.

Крепко сжав в объятиях вышеупомянутую жену в знак того, что «тогда» и «теперь» – вещи разные, Штефан заметил:

– Твоя точка зрения принята.

– Наследники короны вообще редко имеют выбор в вопросах брака, – продолжал Василий горячо. – Но я-то всего лишь твой кузен, и никто, кроме меня самого, не может указывать мне, на ком жениться, а я чертовски хорошо знаю, что никогда бы не взял в жены русскую.

– Так она русская? – удивленно воскликнул Штефан.

– И к тому же баронесса, а ты прекрасно знаешь, какие нравы у этих дам. У нее, вероятно, перебивала уже дюжина любовников, и я нисколько не удивлюсь, если такая поспешность вызвана исключительно тем, что бедняжка ждет ребенка!

– Будем надеяться, что так оно и есть, а ты не торопись жениться, пока не привезешь ее сюда, – предложил Штефан. – К тому времени ты все выяснишь, а если окажется, что она беременна, у тебя будет законное основание расторгнуть помолвку.

Улыбка на губах Василия, возникшая при этих словах, увяла столь же стремительно, как и распустилась.

– А если эта надежда не оправдается и я окажусь связанным? Я предпочел бы вообще не ехать в Россию, поэтому-то я к тебе и пришел. Ты уже сталкивался с такими затруднениями, Штефан. Какие варианты приходили тебе в голову, когда ты хотел отделаться от помолвки?

– И ты рассчитываешь, что я тебе отвечу?

Впервые за весь разговор Василий бросил взгляд на Таню.

– Для тебя это важно? Ты возражаешь?

– Да ради Бога!

Поймав его кислый взгляд, она притворилась, будто ничего не заметила. «Интересно, – подумала Таня, – что он предпримет, если я вдруг рассмеюсь?» И ей захотелось провести небольшой эксперимент: затруднения Василия не

вызывали у нее ни малейшего сочувствия. Но Штефан не позволил бы ей потешаться над кузеном, и поэтому Таня всего лишь слушала, как мужчины обсуждают различные возможности, и убедилась, что в конце концов они приходят к мысли, что выбора нет. Василий все больше и больше грустнел.

Таня считала, что ее муж исключительно красив, но совсем иной красотой, чем Василий. В смысле привлекательности Василию не было равных: его внешность гипнотизировала. Но Таня никогда еще не видела его таким опустошенным и разгневанным, и никогда еще глаза его не сверкали так, как сейчас.

Василий мерил комнату шагами, а точнее, метался по ней, как разъяренный золотистый лев, пойманный в ловушку.

Это было завораживающее зрелище – три аршина мужественной грации вдруг обнаружили свою изменчивую и почти дикую природу. Из всех четверых Василий больше других был наделен способностью без промаха разить словом, а не действовать грубой силой. Но, похоже, и он так же склонен к насилию, как и его друзья.

Однажды Тане рассказали, что она должна была выйти замуж именно за Василия, потому что Штефан хотел без лишней суеты увезти ее в Кардинию, а там уж Таня, как и любая другая женщина, конечно же, предпочла бы Василия.

Но тогда она презирала Василия, потому что, встретив Таню в таверне, он оскорбил ее, приняв за обычную шлюху, и отнесся к ней с полным пренебрежением. Кроме того, несмотря на его шрамы и «дьявольские» глаза, с самого начала Таню привлек Штефан, с самой первой ночи очаровал именно он, а не этот прекрасный золотистый Адонис.

– Что же ты собираешься делать? – спросил наконец Штефан.

– Не знаю.

– Нет, знаешь, – спокойно отозвался Штефан.

– Да, знаю, – вздохнул Василий. – Но если это только будет зависеть от меня, свадьба не состоится. Кто-то из них – девушка или ее отец – пойдет на попятную

и откажется от этой нелепой и смехотворной помолвки, даже если мне придется показать им, какой я на самом деле.

– А какой ты на самом деле? – подала голос Таня, содрогнувшись от этих слов. – Лучше скажи, что покажешь им, каким ты можешь быть, когда захочешь не понравиться.

Она говорила, опираясь на собственный опыт, и ему пришлось согласиться.

– Как скажете, Ваше Величество.

Теперь наступила очередь Тани бросить на него кислый взгляд. Подавив смешок, Штефан сказал:

– Отправляйся домой, Василий. Утро вечера мудренее. В конце концов, даже если тебе и придется жениться, ты не должен...

– Как бы не так, не должен, – негодуя ввмешалась Таня.

– Я же говорил, что она возвела супружескую верность в ранг верноподданнической обязанности, – проворчал Василий и, стуча сапогами, вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, Таня гневно выпалила:

– Черт возьми, мне это нравится! Наконец-то с этого павлина полетят пух и перья!

– Я думал, ты простила его за то, что он так себя вел на пути в Кардинию.

– Простила, – заверила она мужа. – Я знаю, что он всего лишь пытался помешать мне влюбиться в него. Но ему следовало бы сразу понять, что этого не случится, а не строить из себя осла в течение всего путешествия. И все-таки он остался таким же павлином, каким был, и слава Богу, если найдется женщина, которая заставит его на пару ступенек спуститься со своего насеста. Надеюсь, эта русская покажет ему, где раки зимуют. Его несчастье в том, что женщины никогда не говорят ему «нет». Они не тратят время на то, чтобы узнать его

получше, а просто моментально влюбляются, взглянув ему в лицо, и воображают, что и с ним происходит то же самое. Неудивительно, что он неизлечимо высокомерен. Он и дня не может прожить, чтобы какая-нибудь девчонка не пыталась его соблазнить.

Заметив гримаску отвращения на ее лице, Штефан рассмеялся:

- Ты бы удивилась, моя Таня, узнав, насколько это раздражает его самого.

Она фыркнула:

- О, конечно, так же, как меня - беременность!

Все знали, что Таня в восторге от своей беременности, и Штефан только покачал головой.

- Но это правда, - настаивал он, и его золотистые глаза заискрились смехом. - В конце концов, за один день мужчина может совершить только один подвиг - соблазнить женщину.

Теперь она и не пыталась сдерживать сарказма:

- Ну, тогда понятно. Несчастье в том, что он не может облагодетельствовать сразу всех страждущих. Не могу тебе выразить, как я опечалена. Вероятно, я единственная, кто по-настоящему серьезно невзлюбил его, но это не считается, потому что он сам стремился вызвать во мне неприязнь. И все же я искренне считаю, что ему нужно встретить женщину, которая останется к нему равнодушной. К сожалению, сомневаюсь, что нам доведется это увидеть.

- А еще говоришь, что простила его!

Таня вздохнула:

- Извини, Штефан. Боюсь, мне еще трудно отделить того Василия, которого я узнала, от того, каким он стал теперь. Безусловно, он очарователен, а иногда бывает очень милым. И конечно, я знаю, как отчаянно Василий тебе предан, и люблю его за это. Но его надменность и обидная снисходительность, его

насмешки и презрение – это ведь тоже он. Они присущи ему с рождения, хотя, согласна, и в меньшей степени, чем я думала вначале.

– Я знаю, что он высокомерен, – откликнулся Штефан и добавил, проявляя лояльность к кузену: – Но не более того.

Таня уже была готова возразить, но осеклась, увидев, как Штефан поднял бровь. В конце концов Василий был не только единственным кузенком ее мужа, они были близки, как братья.

– Ну хорошо, – согласилась она. – Но сейчас он озабочен тем, чтобы расторгнуть помолвку, а ведь эта русская влюбится в него вне зависимости от его поведения, ты же знаешь. И как бы отвратительно он себя ни вел, в конечном итоге это не важно. Он разобьет ей сердце, и все-таки она будет стремиться к нему.

Таня вздохнула:

– Мне жаль эту бедную девушку, честное слово, жаль.

Глава 5

Между тем бедная девушка, которую Тане было так жаль, еще пребывала в блаженном неведении относительно своей помолвки и не подозревала о грядущем приезде своего нареченного жениха.

Когда Богдан принес известие о том, что кардинац всего в нескольких часах пути, Анна была у Константина. Чтобы не быть застигнутым врасплох, барон расставил по дорогам множество людей и, невзирая на уговоры Анны, решил до последней минуты не сообщать дочери о готовящейся свадьбе.

– Да, не очень-то он спешил. Он должен был приехать сразу вслед за письмом, – пробормотал Константин, не упуская повода лишний раз поворчать. – Судя по тому, что писала графиня, он выехал уже больше месяца назад. Я ждал его гораздо раньше.

– И о чем это говорит? – спросила Анна.

Ответом ей было только хмурое лицо барона.

– Верно. Это говорит о том, что он не хочет жениться.

Константин очень сильно нервничал и не только из-за приезда графа, но и потому, что он до сих пор не сообщил Александре, что у нее есть жених.

Анна догадалась, о чем он думает.

– Когда ты собираешься ей сказать?

– Может, лучше дать им сначала встретиться?

– Да ты в своем уме? Он заговорит о помолвке, а она рассмеется ему в лицо – вот уж прекрасное начало отношений! Ну?

Константин еще больше нахмурился. Анна не давала ему житья с того самого момента, когда он рассказал ей о своем плане. Но, как ни странно, чем больше она его пилила и чем острее он чувствовал свою вину, тем больше упорствовал.

Вот и сейчас он не двинулся с места, чтобы позвать Александру, и Анна вздохнула, не в силах побороть раздражение.

– Пусть она по крайней мере переоденется, или ты хочешь, чтобы она предстала перед женихом в штанах для верховой езды?

Она была права, а он даже не подумал об этом.

Александре понадобится в лучшем случае час, чтобы избавиться от запаха конюшни и привести себя в приличный вид, а неизвестно еще, сколько продлится их спор. Не раз он прикидывал в уме вероятность того, что спора вообще не будет. Но барон слишком хорошо знал свою дочь.

Он тотчас вышел из столовой, где они с Анной сидели за поздним завтраком, и послал в конюшню за Алин, а сам удалился в свой кабинет.

Анна заглянула в дверь и, несмотря на их размолвку за завтраком, одарила его нежной улыбкой:

– Удачи, дорогой.

Напряжение барона слегка ослабло. Все-таки, если взглянуть на вещи с другой стороны, он очень удачливый человек. У него есть трое здоровых детей, целый выводок внуков и Анна.

– Теперь, когда мы останемся в доме одни, ты выйдешь за меня?

Ее улыбка стала немного шире:

– Нет.

Анна удалилась в другую часть дома, а Константин хмыкнул. В скором времени ей придется удивить его, дав долгожданный ответ, до тех пор вовсе не обременительно оставаться любовником.

Через несколько минут в кабинет вошла Александра, как всегда веселая и энергичная.

– Это ведь ненадолго? Мне надо выезжать Князя Мишу. – Алин имела в виду одного из своих собственных жеребцов, одного из своих «деток», как она называла всех отпрысков своего личного табуна.

– Лучше поручи это кому-нибудь из Разиных.

Она подняла красиво изогнутую бровь:

– Наш разговор грозит затянуться?

– Вполне возможно.

Она сняла шапку, сунула ее в карман плаща и со вздохом плюхнулась на стул.

– Ладно. Что я на этот раз натворила?

– Ты могла бы показать мне, что знаешь, как усаживаются дамы, а не...

– Скверно, что ты прибегаешь к уверткам.

Поймав ее притворно-удивленный взгляд, Константин нахмурился. Когда Александра занималась тем, что ей не нравилось, она считала своим долгом дать понять, что люди впустую тратят ее драгоценное время. «Что ж, – решил Константин, – возьмем быка за рога».

– Ты не сделала ничего зазорного, Александра, а предстоит тебе вот что: ты выйдешь замуж, и притом в самое ближайшее время, в ближайшие дни. Твой жених будет здесь меньше чем через два часа, и я был бы рад, если бы ты выглядела наилучшим образом.

– На этом, папа, можно поставить точку. Что бы ты ни обещал этому человеку, дай ему обещанное и отправь туда, откуда он явился: с тех пор как мы в последний раз обсуждали этот вопрос, я не изменила своего решения.

Она не повысила голоса и говорила без малейшего раздражения. Конечно, до нее еще не полностью дошел смысл его слов.

Барон не имел обыкновения лгать своей дочери, и то, что он собирался сделать это сейчас, вызвало у него легкий румянец, который Александра ошибочно приняла за обычный признак надвигающейся бури.

– Это не имеет ничего общего с нашим последним разговором, – сказал он. – Речь идет о помолвке, которую мы с Сергеем Петровским подписали незадолго до его смерти пятнадцать лет назад. В нашем договоре говорится, что ты обещаешь выйти замуж за сына Сергея, графа Василия Петровского.

Она вскочила со стула и подалась вперед, нагнувшись над столом. Не было никакого сомнения, что румянец на ее щеках был вызван исключительно гневом.

- Это ложь!

Его нерешительное движение разъярило ее еще больше.

- Ты! Знаешь, кто ты? Оказывается, я помолвлена чуть ли не с рождения, и до сегодняшнего дня ты даже ни разу не удосужился сообщить мне об этом. Это же против всякой логики. Что же ты не заткнул мне рот этой помолвкой, когда я сообщила тебе о Кристофере? Как же ты разрешил мне ждать его целых семь лет, если я обещана другому? А как насчет тех мужчин, которыми ты надеялся меня заинтересовать?

- Если ты на минутку успокоишься, я смогу тебе все объяснить.

Она не успокоилась, но замолчала, что было нелегко, учитывая ее вспыльчивый характер. Впрочем, у Константина было достаточно времени, чтобы придумать правдоподобное объяснение своего так называемого молчания в течение всех этих лет.

- Не могу отрицать, что мне хотелось видеть тебя женой сына своего лучшего друга, так же, как и Сергей хотел этого. Ты знаешь, он был самым близким моим другом. Но ты была тогда такой молодой, такой послушной. Как я мог предположить, что ты превратишься в своевольную, напористую и упрямую спорщицу...

- У меня есть вопрос, папа, - почти прорычала Алин.

И он, фыркнув, пояснил:

- После твоего первого выезда в свет я понял, что ты слишком упряма, чтобы принять избранного для тебя мужа. Поэтому, думая больше о твоем счастье, чем о своей чести, я решил дать тебе время выбрать кого-нибудь самостоятельно и надеялся, что граф Петровский окажется не таким уж щепетильным и женится на ком-нибудь другом и таким образом помолвка будет расторгнута.

- А если бы я вышла замуж?

Барон был хорошо подготовлен, чтобы ответить на этот вопрос.

– Прежде всего тебе следует знать, что молодой Василий никогда не писал мне, поэтому я решил, что Сергей не успел или не счел нужным сообщить своей семье о помолвке. Конечно, надежда была очень слабая, но все же я готов был на это рассчитывать, особенно когда ты проявила такой интерес к этому англичанину.

– На что рассчитывать? Ты же презирал Кристофера!

– Но если бы он сделал тебя счастливой...

– Ладно, не важно, – нетерпеливо вставила она. – Если семья твоего друга так и не знала...

– Я этого не говорил, – перебил он, – просто была такая вероятность. Однако в любом случае, если бы ты приняла чье-нибудь предложение, мне пришлось бы написать графу Петровскому и сообщить ему об этом, и я был вполне готов просить его отказаться от своих прав.

Когда Константин мысленно репетировал свою речь, он решил, что слово «просить» выбрано блестяще, потому что должно показать дочери, что он целиком на ее стороне, пока она окончательно не вышла из себя. Но выражение лица Алин ясно говорило о том, что на объяснения отца ей в высшей степени наплевать.

– Итак, когда же ты получил письмо? – спросила Алин.

Этого вопроса он боялся больше всего и надеялся, что он не придет ей в голову. Теперь ее ярость обрушится на него в полной мере, потому что тут барон уже не мог солгать дочери – не дай Бог, она захочет узнать правду от графа Петровского.

– Я не получал письма.

– Значит, написал ты?

– У меня не было выбора, – сказал он, защищаясь. – Тебе двадцать пять лет, а у тебя все еще нет мужа. Если бы у меня была хоть малейшая надежда...

- Мне не нужен муж!

- Муж нужен каждой женщине!

- С чего ты взял?

- Так говорит Господь в своей мудрости.

- Стало быть, Константин Русинов в роли всевышнего?

Итак, начиналась обычная перепалка, а на этой почве барон чувствовал себя значительно увереннее.

- Тебе нужен муж, чтобы иметь детей.

- Мне не нужны дети!

Ложь была настолько явной и вопиющей, что он почти машинально ответил:

- Ты знаешь, что это неправда, Алин.

В своей ярости Александра была готова уже разразиться слезами, по крайней мере говорила себе, что причиной этому – именно гнев, а вовсе не напоминание о том, что она уже далеко за пределами брачного возраста. В такие моменты она искренне ненавидела человека, которому поклялась в верности и обещала ждать. Хотя Кристофер покинул Россию три года назад, он все еще часто писал ей, но ни одно из его писем не содержало даже намека на брак, которого так жаждала Александра.

Она была уже почти на грани того, чтобы выкинуть из головы мечты о Кристофере, хотя и не говорила об этом отцу. Наверное, ей следовало бы признаться, но, сама не зная почему, она делала как раз противоположное. Впрочем, даже если бы Александра и не была влюблена, она ни за что бы не согласилась выйти замуж за незнакомого человека. Помолвка – это ведь так старомодно, и то, что отец устроил ее, было не только нестерпимо, но и чудовищно.

Она попыталась сдержаться, но у нее не получилось:

- Когда этот человек приедет, принеси ему извинения и избавься от него. Можешь отдать ему Гордость Султана за то, что он взял на себя труд приехать сюда.

Изумлению Константина не было предела:

- Ты готова отдать ему своего призового жеребца?

- Теперь ты наконец понимаешь, что я не желаю выходить замуж за незнакомца? - парировала она, хотя слова застревали у нее в горле. Она сама вырастила Гордость Султана и страстно любила его.

- Как только ты с ним познакомишься, он перестанет быть незнакомцем. Ради Бога, Александра, граф Петровский - двоюродный брат короля Кардинии. Неужели ты не понимаешь, какая это замечательная партия.

- Ты думаешь, для меня это важно?

Барон поднялся на ноги и сердито посмотрел на дочь.

- Да. И безусловно, имеет большое значение для меня. Кроме того, ты намеренно игнорируешь тот факт, что помолвка обязывает почти так же, как таинство брака. А ваша помолвка была организована с наилучшими намерениями и искренней верой в успех, и мы с Сергеем принесли клятвы должным образом. Кроме того, девочка моя, по прошествии всех этих лет Василий Петровский все еще не женат. Поэтому, по совести говоря, мы не можем дальше тянуть с браком.

- Ты мог бы по крайней мере попросить его расторгнуть этот чертов контракт, - воскликнула она.

- А ты по крайней мере могла бы дать молодому человеку шанс. Он едет сюда, чтобы жениться и проявить таким образом уважение к воле и слову своего отца. Неужели ты не можешь сделать то же самое?

– Честь. – Алин задохнулась от ярости. – Так ты рассматриваешь это как дело чести?

Константин заколебался. Она была готова разрыдаться, а он не мог видеть ее слез. «Это все проклятый англичанин, – подумал он свирепо. – Она до сих пор надеется, что он сделает ей предложение. Такая неуместная верность. Но обязанность отца – защитить свою дочь от ее собственной глупости».

Он должен довести дело с помолвкой до конца, даже если бы ему пришлось признаться во всем, если бы не было надежды, что Петровский сделает Алин счастливой. Он не отступится до тех пор, пока не получит заверений в благополучном исходе.

– Да, теперь это уже вопрос чести. Подписав этот документ о помолвке, я дал слово.

Сжав кулаки, Александра изо всех сил ударила по крышке стола и, повернувшись к отцу спиной, лягнула стул, на котором только что сидела, так, что тот опрокинулся.

– Незачем крушить мой кабинет, – скованно сказал барон.

– Ты сокрушаешь мою жизнь, – с горечью ответила она.

– Какую жизнь?! Ты думаешь только о лошадях. Если ты не спишь, то торчишь в конюшне, и мне кажется, даже и не вспоминаешь, что ты все-таки женщина.

Так долго сдерживаемые слезы брызнули у нее из глаз. Но девушка поклялась, что отец не увидит их. Он ее предал, и не важно, что сделал это пятнадцать лет назад и с самыми лучшими намерениями. Но именно то, что он так презирал в дочери – отсутствие женственности, – и дало ему возможность одержать победу. Многие ли женщины думают о чести семьи? Но для Алин это был не пустой звук, и отец знал об этом.

– Прекрасно, я не буду отказываться вступить в брак с этим твоим драгоценным кардинцем...

И прошептала себе самой: «Но обещаю тебе, что он откажется на мне жениться».

- Значит, ты приведешь себя в порядок? По крайней мере переоденешься?

- Ну уж нет! Если он хочет на мне жениться, пусть видит меня такой, какая я есть, а я так выгляжу нередко.

Пунцовый от гнева Константин кричал ей, чтобы она вернулась, но девушка выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Он рухнул на стул, размышляя о том, удалось ли взять верх, и встревоженный тем, что она спорила менее ожесточенно, чем он ожидал. Когда Александра так легко сдается – жди подвоха.

Глава 6

Александра промчалась мимо села, мимо городка и дальше за поля, к пастбищам, и только там наконец взялась за повод, указывая Князю Мише направление. Как всегда, ее сопровождал один из братьев Разиных; но Алин не обратила внимания, кто именно, да она и не оглядывалась назад.

Возможно, это был Федька, самый старший и самый серьезный, ему было уже за тридцать. Тимофей и Никишка, близнецы, обычно ограничивались упреками, если ей случалось умчаться куда-нибудь, не предупредив никого, но Федька устраивал настоящую бурю, и девушка его даже слегка побаивалась.

Они выросли вместе, и Алин проводила у Разиных не меньше времени, чем в собственном доме. Они заменили ей братьев, которых у нее никогда не было, они были ее друзьями, а иногда и головной болью. Их единственная сестра, Дарья, была горничной Алин, а на самом деле скорее ее подругой. На год младше Александры, она уже побывала замужем – но ее муж умер два года назад.

Брак.

Прохладный осенний ветер осушил ее слезы – это была слабость, которую она редко себе позволяла, и сейчас ей не хотелось больше плакать, а хотелось ехать и ехать все дальше и дальше и никогда больше не возвращаться. Конечно, Федька бы этого не позволил. Даже если бы он узнал, что сделал ее отец, он счел бы это трусостью. Он разгневался бы не меньше ее, но для казака позорно уклоняться от битвы, а Федор отнесся бы к этой помолвке как к самой настоящей битве. Да, пожалуй, так оно и есть, если забыть свои обиды и это гнусное ощущение предательства.

Брак.

Черт бы побрал Кристофера Лейтона! Почему, почему он так усердно ухаживал за ней после этого первого бала в Санкт-Петербурге и утверждал, что любит ее? Он был помощником английского посла, такой утонченный и интеллектуальный, такой красивый. Он вскружил ей голову.

Алин полюбила его, да, наверное, полюбила, если ждала целых семь лет, но даже ей было ясно, что это нелепость. И бессмысленно оставаться верной человеку, который даже не сделал ей предложение и чье лицо она уже не могла как следует вспомнить, но его письма были полны страсти и глубокого чувства, в том числе и последнее, полученное совсем недавно.

С тех пор как Кристофер вернулся в Англию, он не уставал писать ей о своей любви и о том, как скучает по ней, и не переставал твердить, что делает все возможное, чтобы снова получить назначение в Россию и оказаться с ней рядом. Но ни в одном из своих писем он ни разу не обмолвился о браке, и, несмотря на всю свою отвагу, Алин так и не решалась написать ему в такой форме, чтобы получить ответ, который бы или укрепил ее надежды, или покончил с ними навсегда, – это было выше ее сил.

Теперь Алин понимала, что совершила ошибку. Ей нужно было сразу же последовать за ним, а не покорно смириться с запретом отца. Если бы только она могла увидеться с Кристофером еще раз...

И Александра решилась. Так или иначе, она поедет в Англию, как только избавится от кардинца и покончит с этим «делом чести». В конце концов у нее достаточно денег, скопленных на продаже лошадей, и единственное, что придется хорошенько обдумать, – это как устроить так, чтобы отец не смог ей

помешать. Но ведь в Англию ведет множество путей, а как только она покинет Россию, никто не сможет ее остановить, даже сам дьявол.

Приняв решение, Алин почувствовала, что с души у нее словно свалился камень, и она придержала коня, позволив Федьке поравняться с ней, но неожиданно рядом оказался Никишка, в изумлении глядевший на нее: он не мог взять в толк, зачем эта бешеная скачка.

- Ты хочешь угробить нас обоих? Или только лошадей?

- За мной гнались демоны, если ты понимаешь, о чем я говорю, - ответила она.

- Кого-нибудь из них я знаю?

- Ну, самый главный - это мой отец.

- А, очередное сражение, - с понимающей ухмылкой сказал Никишка.

Среди своих братьев Никита был самым легкомысленным. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, и, как бы ни была разгневана или обижена Александра, ему всегда удавалось ее развеселить. Но на сей раз она опасалась, что даже он бессилён это сделать.

Его брат Тимофей был немного серьезнее, но все равно близнецы были так похожи, что порой Александре становилось жутко. Обоим было по двадцать семь лет, у обоих - черные волосы и синие глаза, характерные вообще для Разиных, и даже вкусы у них были одинаковы, включая и женщин. В результате они постоянно соперничали и то и дело дрались. Раззадорить их было проще простого, и оба частенько ходили с подбитым глазом или рассеченной губой - результатом их героических потасовок.

- Не понимаю, почему ваши споры так тебя огорчают, ведь ты всегда одерживаешь победу, - заметил Никишка.

- На этот раз я проиграла, - пробормотала она.

- Да ну?

Его откровенно недоверчивый взгляд не вызвал у нее ожидаемой улыбки.

- Да, проиграла!

- Что ж, и на старушку бывает прорухка! - вздохнул Никишка. - А из-за чего вы сражались?

- Оказывается, я обручена с кардинцем.

Теперь в недоуменном взгляде Никишки не было никакого наигрыша:

- Это невозможно!

- Отец заключил эту сделку пятнадцать лет назад.

- Ну да, ты была еще младенцем, - кивнул он, словно это все объясняло.

- Десятилетним младенцем?

Никита махнул рукой в знак того, что это не возражение.

- И что же ты собираешься делать?

- Честность - лучшее оружие, я полагаю, - сказала Алин самым обыденным тоном. - Я просто скажу кардинцу, что не хочу за него замуж.

Никишка смерил ее оценивающим взглядом:

- Да будь он самым большим простаком на свете, достаточно ему один раз взглянуть на тебя, и он решит, что умер и попал на небеса. В этом случае честность ничего не даст.

Александра аж застонала, представив такой поворот.

- Никакого проку от тебя, Никишка.

- А что я должен делать?

- Ну хоть что-нибудь, только не болтать языком!

- Ну, тогда, - бодро заявил он, - мы с Тимофеем можем подкараулить его, отлупить как следует и сказать, чтобы он сюда не совался.

- Пока мы тут болтали, он уже прибыл, - заметила Алин и на случай, если Никишка вообразил, что она согласилась на такое решение вопроса, добавила: - Кроме того, не стоит бить кузена короля, даже если это последняя возможность избавиться от него.

Никишка тихонько присвистнул:

- Кузен короля? Тогда почему бы тебе не выйти за него?

Когда Александра сердилась, ее синие, как полночь, глаза лиловели - вот как сейчас.

- Потому что случилось так, что я люблю Кристофера.

- Его-то! - Никишка сказал это так едко, что она содрогнулась. Все братья знали об англичанине и радовались за нее, пока не прошли годы, а на ее пальце так и не появилось кольцо. - Никчемный увалень!

- Я не желаю этого слышать!

- Ты уверена?

- Да.

- А я, пожалуй, был бы рад, если бы ты от него избавилась.

Лицо Никишки было таким серьезным, что Алин не смогла удержаться от смеха. Он тоже улыбнулся, радуясь, что наконец-то развеселил ее.

– Лучше поедem встретим твоего жениха, – предложил Никита. – Почему ты знаешь, может быть, он тебе и понравится.

Алин презрительно фыркнула, и Никишка добавил:

– Кстати, тут нет ничего невозможного.

– Это не имеет значения.

Никишка не стал уточнять почему, но внезапно испытал странную смесь отвращения, жалости и негодования. Их Алин была такой верной, такой чертовски верной, но эта ее верность оказалась неуместной. И отец ее прав. Собственный папаша Никишки, Ерофей, много раз говорил с бароном об этом, и все Разины были полностью с ним согласны. Этого англичанина следовало пристрелить еще много лет назад.

Александра с Никитой возвращались домой лениво, не торопясь, так что, когда они подъехали, прошло уже гораздо больше тех двух часов, в течение которых, по словам барона, должен был приехать граф. Жених скорее всего уже расположился в отведенной ему комнате и сейчас, наверное, беседует с отцом. В любом случае Александра решила пока не встречаться с ним, предпочитая дать отцу возможность составить о молодом графе свое мнение, а потом попросить его честно сказать, что он о нем думает.

Поэтому ее план был таков: войти в дом с черного хода. Алин считала, что это удачная мысль: ведь всегда оставалась надежда, что отец сам невзлюбит новоиспеченного жениха до такой степени, что отошлет его обратно, и таким образом все решится само собой. Но Алин упустила из виду, что жених и сам не очень спешил. Увидев, как восемь человек спешиваются у входа в дом, она поняла, что так оно и было.

Однако Алин не торопилась менять свои планы. Она по-прежнему надеялась, что личное свидание отца с графом Петровским может принести большую пользу, а кроме того, была убеждена, что, если застать человека врасплох, можно многого достичь. С другой стороны, возможно, было бы вернее поговорить с графом до того, как отец предупредит его о ее, как он называл их, «вопиющих» привычках. В общем, в личной встрече есть свои плюсы, и Алин прекрасно понимала, что в своей привычной одежде она выглядит далеко не лучшим образом.

На кого ей, черт возьми, производить впечатление в конюшнях?

Хотя, по правде говоря, девушка не думала, что кардинац прибудет со всей своей свитой, да еще и с дюжиной лошадей, навьюченных всякой поклажей. Судя по виду, ее нареченный не имел обыкновения путешествовать налегке, а это говорило о том, что он – один из тех испорченных и избалованных аристократов, которые приходят в ужас от одной лишь мысли, что придется, возможно, заночевать под открытым небом, и всегда имеют наготове слуг, удовлетворяющих их самые пустячные нужды.

Сама Александра ни разу в жизни не просила никого сделать для нее что-нибудь такое, что не могла бы сделать сама. Дарье дозволялось следить за чистотой гардероба хозяйки, но на этом все ее обязанности горничной заканчивались.

Никем не замеченные, Александра и Никишка подъехали к гостям.

Кардинцы не посчитали нужным отвести лошадей в конюшни, и поэтому двое слуг вышли из дома, чтобы позаботиться о них, но не слишком в том преуспели: среди лошадей было несколько чистокровных породистых животных, но не слишком хорошо выезженных; они нервничали и беспокоили других, более смиренных лошадей.

Среди них оказался и жеребец, и Князь Миша тут же зафыркал на него, мотая головой, но Александра успокоила его нежными словами и, спешившись, уже не обращала на него внимания, так как была уверена, что Князь будет вести себя смирно. Ее взгляд остановился на человеке, которого она сразу же выделила из числа остальных. Судя по виду, он-то и был ее женихом. Его выдавало изысканное платье. Честно говоря, Алин не ожидала, что он окажется таким красивым. Темно-каштановые волосы, ярко-синие, как у младенца, глаза и бороздки на щеках, обещавшие ямочки, когда он улыбнется. Алин удивилась, отметив открытое выражение его лица, благодаря которому он казался таким простым, доступным и даже внушающим симпатию. Он был единственным, кто услышал их приближение и повернул голову, но не успел взглянуть на баронессу: его внимание целиком приковал Князь Миша.

К такой реакции Александра привыкла, она ждала ее и, естественно, преисполнилась немалой гордости: оба ее лучших жеребца, Князь Миша и его отец Гордость Султана, были чистокровными породистыми конями,

белоснежными, с роскошными длинными гривами, глубокими синими глазами, и ни у одного из них сквозь густую и гладкую шерсть не пробивалось ни единого пятнышка розовой кожи.

Потомство этих прекрасных представителей лошадиного племени пользовалось колоссальным спросом, и цены на жеребят были баснословно высоки. Но Александра никогда не продавала своих «деток» тому, кого не считала знатоком по части породистых лошадей, и, если понимала, что будущий владелец не способен холить их так, как она, у того не было ни малейшей надежды заполучить лошадей из ее личного табуна.

Но, судя по всему, ее нареченный был настоящим знатоком. Он любовался конем, и, образно выражаясь, у него буквально текли слюнки. Это позабавило Александру, и, хотя лишиться коня было для нее равносильно смерти, она согласилась бы откупиться от жениха Князем Мишей. Конечно, для начала она предложила бы ему одну из своих кобыл или какого-нибудь мерина, ведь все лошади и жеребята были отменного качества. Впрочем, невооруженным глазом было видно, что этот человек уже влюбился в Князя Мишу.

Александра спешила и, желая проверить свою догадку, спросила достаточно громко, чтобы услышала вся компания:

– Кто из вас Василий Петровский?

Василий, разглядывавший в этот момент большую помещичью усадьбу, обернулся и увидел перед собой существо неопределенного пола. Он терялся в догадках до тех пор, пока его взгляд не уперся в пару замечательных грудей, выступавших из выреза старого шерстяного кафтана. Конечно, бриджи ее были слегка мешковаты, но зато сапоги облевали ногу, как вторая кожа, обрисовывая красивой формы икры.

Вне всякого сомнения, девушка ему понравилась. Такой бюст всегда оказывал на него сильное воздействие, но у нее было нечто более ценное – красивые черты лица и гладкая, без единого изъяна, кожа, еще хранившая следы летнего загара, что говорило о крестьянском происхождении. Аристократки боялись загара как огня. Кроме того, у девушки были высокие скулы, слегка порозовевшие от ветра, и тонкий прямой носик, пожалуй, чересчур изысканный для крестьянки, почти аристократичный. Ее полный чувственный рот, не менее

пленительный, чем грудь, будил игривые мысли. Правда, сбивал с толку маленький, но упрямый подбородок; однако на него можно было не обращать внимания. Из-под меховой шапки выбивались волосы, казавшиеся светлее ее загорелой кожи, однако красиво изогнутые брови были светло-каштановыми, а длинные густые ресницы, оттенявшие миндалевидные глаза, были почти черные, и все вместе производило впечатление чего-то необычного, экзотического и чрезвычайно привлекательного.

Что ж, возможно, его краткое пребывание здесь не будет, в конце концов, таким уж неприятным, подумал Василий и, улыбнувшись, поклонился девушке.

– Я перед вами, любовь моя. А с кем имею честь?

Александра тут же забыла о темноволосом, по-прежнему поглощенном созерцанием Князя Миши, и круто повернулась к заговорившему. Значит, она все-таки ошиблась...

Но эта мысль тут же вылетела у нее из головы, впрочем, как и все остальные. Кажется, она даже перестала дышать, чувствуя, как желудок ее словно покотился куда-то вниз, к ногам.

Увидев эту знакомую реакцию на свою внешность, Василий заулыбался еще шире. Едва не задохнувшись, Александра наконец жадно втянула воздух, и щеки ее покрылись жарким ярко-малиновым румянцем: ей показалось даже, что они дымятся. Черт возьми, что это: шок или он просто выставил ее полной дурой и она до сих пор не может справиться с силами, чтобы найти достойный ответ? Нет, наверное, это все-таки шок, потому что никто никогда не предупреждал ее, что мужчины могут выглядеть так!

Он был весь золотистый: мягкие локоны цвета расплавленного золота на висках и за ушами, у него была золотисто-смуглая кожа и глаза цвета свежего меда. Он был невероятно красив, но типично мужской красотой: черты лица безупречно правильные, чуть запавшие щеки, прямой орлиный нос, густые, четко очерченные брови и красивой формы губы, возможно, слишком чувственные. Это сочетание завораживало.

Усилием воли Александре удалось взять под контроль взбаламученные чувства. Так вот он какой, Василий Петровский! И предполагается, что она выйдет за

него замуж? Боже, ну и шутка! Выйти замуж за мужчину, более красивого, чем она сама?

Да ни за что на свете!

Теперь, когда в голове у нее слегка прояснилось, Алин вспомнила о своем плане и подошла к Василию ближе, с опозданием заметив, что он высок, добрых три аршина ростом. Его длинный камзол, туго стянутый в талии, обнаруживал военную выправку и крепкое сложение, талия же была тонкой, и девушка нашла это тоже обескураживающим. Ее отец был выше его и гораздо плотнее, но сила этого человека, прямого, как струна, производила несколько даже пугающее впечатление.

Александра была не робкого десятка и умела скрывать свой страх, да, собственно говоря, она и не боялась его. В конце концов он ведь не ее муж, а только обручен с нею, а скоро она сумеет устранить и эту угрозу.

– Боюсь, я показалась вам дурочкой, – сказала она самым обиденным тоном, – но я была несколько изумлена. В конце концов, не каждый день случается видеть мужчину красивее меня самой.

Его спутники захихикали, засмеялся и синеглазый, которого она поначалу приняла за своего жениха. Алин была крайне разочарована, что не он оказался графом Петровским, потому что с ним поладить было бы куда проще. Она бросила на синеглазого короткий задумчивый взгляд, и насмешливое выражение исчезло с его лица.

Вновь переключившись на золотистого Адониса, Александра заметила, что тот покраснел. Просто поразительно, как однообразно мужчины реагируют на ее откровенность – во всяком случае, незнакомые. Она вовсе не собиралась смутить его своей прямоотой, но ощутила безотчетное удовольствие от того, что ей это удалось. Когда он перестал улыбаться, Александра почувствовала себя увереннее и уже собралась было представиться, но вдруг неожиданно вспомнила, что он назвал ее... как? «Любовь моя»? Даже не зная, кто она такая? Она едва не рассмеялась оттого, что этот человек пытался любезничать с ней, точнее, с первой попавшейся особой женского пола у порога своей нареченной невесты. Это говорит о его характере больше, чем любая личная беседа!

Алин запретила себе смеяться, но не смогла скрыть довольной улыбки. Какая удача! Она с нетерпением предвкушала, как расскажет отцу о том, как этот образец чести и добродетели пытался с ней заигрывать.

Алин прикинула, не стоит ли еще немного поморочить ему голову – просто, чтобы посмотреть, насколько далеко он пойдет, прежде чем узнает, кто она такая. По правде говоря, это было весьма соблазнительно, а уж она-то великолепно умела играть в такие игры. С другой стороны, зачем прибегать к хитрости, если и честное поведение может помочь добиться цели.

Продолжая улыбаться, она произнесла:

– Разрешите представиться, граф. Я – Алин Русинова.

– Алин – это Александра?

– Да.

Поведение Василия мгновенно изменилось. Его глаза цвета меда оглядели ее с головы до ног, но на этот раз они были полны невыразимого презрения, граничащего с отвращением, и ничто не могло быть Александре более приятно!

Она одарила графа ослепительной улыбкой, от которой у того захватило дух, хоть Александра этого и не заметила.

– Я вижу, мы оба обманулись в своих ожиданиях, но не отчаивайтесь. Дело в том, что я не хочу выходить за вас замуж.

Василий чуть не лишился дара речи: у него на языке вертелись те же самые слова.

– Не хотите?

– Ни в малейшей степени, – заверила она. – Сожалею, но вы напрасно потратили время на поездку сюда. Вы должны настоять, чтобы мой отец как-то компенсировал вам это, когда вы расторгнете нашу помолвку. И на случай, если до вашего отъезда мы не увидимся, хочу сказать, что встретиться с вами было

весьма любопытно.

С этими словами она повернулась и словно взлетела в седло своего белого жеребца, настолько плавно и легко было ее движение.

Она дала коню шпоры, и скоро оба они – конь и всадница – скрылись за углом, а негодяй-казак последовал за ними.

Нечасто графу Василию Петровскому случалось терять дар речи, особенно из-за женщины. Она даже не бросила на него прощального взгляда, а лишь произнесла свою маленькую речь и, казалось, тут же выбросила его из головы. Нет, женщины никогда с ним так не обращались!

Подошел Лазарь и тоже посмотрел туда, куда скрылась Александра Русинова. Не поворачивая головы, Василий сказал:

– Если ты засмеешься, получишь в зубы.

Лазарь не смеялся, но, вне всякого сомнения, улыбался.

– Ты думаешь, это меня остановит?

Было известно, что эти двое готовы сцепиться по самому ничтожному поводу. Штефан отправил Лазаря с Василием в качестве телохранителя и напутствовал друзей шуточной просьбой не поубивать друг друга хотя бы до возвращения в Кардинию. И шесть воинов, выделенных для сопровождения Штефаном, должны были не допустить этого, равно как и предательского нападения разбойников, кишмя кишевших на горных перевалах.

– Во всяком случае, продолжать тебе будет значительно труднее! – пообещал Василий.

– Безусловно, но чем ты недоволен! Ты должен плясать от радости! Тебе уже не нужно выставлять себя подонком, она и без того совершенно прямо сказала именно то, что ты хотел услышать, и притом без всяких усилий с твоей стороны.

– Совершенно прямо! – передразнил Василий. – Ты все прослушал, как всегда. Эта маленькая крестьяночка тоже не хочет выходить за меня замуж, но желает, чтобы инициатива исходила от меня, а ты знаешь, что я не могу разорвать помолвку, как бы мне ни хотелось.

– Да, но благодаря ее неожиданной откровенности ты уже гораздо ближе к цели и наполовину выиграл битву, не сделав ни единого выстрела. Может, объяснить ей твое положение и она сама расторгнет помолвку? Она на твоей стороне, мой друг. Ты ей не нужен.

Выпалив это, Лазарь наконец не удержался и разразился смехом. Ей-богу, ситуация была ужасно смешной, а гнев Василия еще забавнее. Ну разве можно представить себе, что женщина, у которой оказалась возможность выйти замуж за Василия – или по крайней мере вообразившая, что такая возможность у нее имеется, – не воспользовалась удобным случаем в то время, как сотни других готовы были чуть ли не на убийство, лишь бы оказаться на ее месте?

– Кстати, – Лазарь решил подлить масла в огонь, – по-моему, твое великолепное презрение не произвело на нее никакого впечатления, да оно и понятно: я ведь видел, как ты на нее смотрел, пока не узнал, кто она на самом деле!

Лазарь замолк, потому что его душил смех.

– Господи, представляю, какие физиономии будут у Штефана и Симона! Да они просто мне не поверят!

Глава 7

– Прошу вас, Василий. Вы ведь разрешите мне называть вас так?

Не дожидаясь ответа, Константин грузно уселся за свой письменный стол. Его кабинет как нельзя более соответствовал образу хозяина – немолодого, степенного и не любящего пышности человека – и напомнил Василию кабинет собственного отца до того, как после смерти мужа Мария превратила его в швейную комнату.

– Хотя мы никогда не встречались, мне кажется, я знаю вас всю жизнь, – начал Константин, – ведь ваш отец только о вас и говорил. Он так гордился вашими успехами и очень переживал, что не имеет возможности брать вас с собой в путешествия и на охоту, но ваше образование было важнее, особенно если учесть, что вы обучались у тех же наставников, что и кронпринц. Он гордился вами еще и потому, что сам не мог воспользоваться такими преимуществами, ибо до женитьбы не имел связей с королевской фамилией.

Я знаю, что он собирался взять вас с собою в Россию после того, как вам исполнится восемнадцать. Я вспоминаю его, когда...

Константин предавался воспоминаниям еще более часа. От Василия требовалось только время от времени вставить пару реплик, а в основном слушать, и он слушал жадно, узнавая о своем отце такие вещи, о которых и не подозревал, и раздражение, которое он поначалу испытывал к барону, постепенно ослабевало, а когда Константин окончил свою речь словами: «Мне, знаете ли, до сих пор не хватает его», прошло совсем.

Смешно сказать, но Василий чувствовал, что чертовски близок к тому, чтобы расплакаться, а ведь он не плакал с тех пор, как перестал быть маленьким ребенком, и теперь эти подступавшие к глазам слезы буквально душили его. Ему тоже недоставало отца, но только сейчас он понял, до какой степени. Он был в ярости оттого, что отец умер так рано, но, когда гнев прошел, Василий ощутил угрызения совести, в особенности потому, что ему так и не удалось подружиться с Сергеем так, как Штефан подружился со своим отцом Шандором, став уже взрослым мужчиной.

Василий представлял себе встречу с бароном совсем иначе, и конечно, все его предположения пошли прахом, не говоря уж о встрече с невестой, которая оказалась довольно неожиданной.

Сказать, что он ожидал увидеть совсем другую женщину, было бы еще преуменьшением. Василий рисовал в своем воображении избалованную и пустую аристократку, которую можно легко запугать. Но как, скажите на милость, запугать эту дерзкую бабенку? Она говорила, что хотела, с бесстыдным пренебрежением к приличиям. Она одевалась как крестьянка, вернее, как крестьянин. И ездил на лошади так, словно была рождена в седле. Казалось, в ее натуре нет ни робости, ни застенчивости. И кроме того, она, черт возьми, не хотела выходить за него.

Василий сам не мог понять свои чувства, но уж облегчением, как решил было Лазарь, там и не пахло. Его отвергли. Отвергли! Это был особый, точнее сказать, единственный в своем роде опыт в его жизни.

Впрочем, нет, не совсем так. Таня ведь тоже отвергла его, когда ей сказали, что он тот самый король, за которого ей предстоит выйти замуж.

– За вашего короля я не выйду, даже если мне за это заплатят, – заявила она тогда и только смеялась, когда ей говорили, что она – принцесса Татьяна Яначек и с младенчества обручена с будущим королем Кардинии. Хотя, даже если бы Таня этому и поверила, ничего бы не изменилось, ибо ее презрение к Василию было равно его презрению к ней.

Впрочем, тогда он не чувствовал себя отвергнутым. И такой досады, как сейчас, не испытывал тоже. А больше всего Василия бесила собственная неспособность точно понять, что его тревожит. Однако граф был достаточно осмотрителен, чтобы скрыть свои чувства от барона.

Первоначально он собирался предстать перед Константином Русиновым в облике совершенно неприемлемого зятя. Основываясь на своем опыте общения с женщинами, он полагал, что невеста будет счастлива заполучить такого мужа, и значит – заставить девушку отказаться от мысли о браке будет гораздо труднее, чем вывести из терпения и отвратить от себя ее отца. Но после того, как Василий услышал, с какой искренней любовью и уважением барон отзывался о его отце, он понял, что не сможет этого сделать, по крайней мере тем очевидным и грубым способом, как собирался.

Ему уже пришлось солгать, объяснив свою задержку тем, что один из его спутников заболел, в то время как на самом деле медлил сознательно, по нескольку дней задерживаясь в каждом городишке, а в одном – так даже на целую неделю из-за хорошенькой рыженькой бабенки, хотя любое промедление в известном смысле затрудняло путешествие, потому что приближалась зима, а с нею – и холода. Он надеялся, что если все-таки придется везти в Кардинию Александру Русинову, то погода будет лишним поводом этого не делать. Конечно, граф собирался подать невесте еще много куда более серьезных поводов покончить с этой нелепой помолвкой, но готов был использовать и любые средства, включая погоду.

Но теперь планы его кампании пришлось пересмотреть, во всяком случае, в той части, которая касалась барона. Василий не желал обесчестить своего отца недостойным поведением в глазах этого человека.

С другой стороны, он вовсе не обязан вести себя наилучшим образом, и, возможно, ему удастся разочаровать Константина, если тот просто не найдет в будущем зяте некоторых нужных качеств или ему не понравятся его взгляды и манеры. Василий был готов притвориться кем угодно, но кем именно, он мог только гадать.

– Я видел из окна, как вы встретились с моей дочерью, – радостно произнес Константин.

Он был на вершине счастья, когда собственными глазами увидел, какое впечатление молодой граф произвел на Алин. Теперь ему оставалось только не выдать своей радости раньше времени. Это было нелегко, но барон справился.

– Я сожалею, – продолжал он, – что моя дочь выглядела не самым лучшим образом. Но, видите ли, большую часть дня она проводит с лошадьми и потому так одевается, имея в виду скорее удобство, а не...

– Так она возится с лошадьми, работает с ними?

Изумление Василия было столь велико, что ему даже не хватило времени на то, чтобы высказать одобрение или порицание, но его тона оказалось достаточно, чтобы настроить Константина на воинственный лад.

– В конце концов у нас конный завод, – пояснил тот. – И Александра – единственная из всех моих дочерей, кто проявляет к лошадям хоть какой-то интерес. Вероятно, мне не следовало бы ее в этом поощрять, но сделанного не воротишь.

Его голос звучал раздраженно, и Василий с облегчением понял, что он на верном пути. Значит, отец вполне допускал такие необычные занятия для своей дочери, и, стало быть, не будет ошибкой высказать неодобрение, а то, как воинственно отозвался барон на его замечание, подсказало Василию, что тот, вероятно, предвидел такой ход событий.

И чтобы Константин не заблуждался относительно его реакции – а Василий был скандализован! – он мягко переспросил:

– Вы и в самом деле ей позволили?

«Попробуй-ка ей не позволить!» – подумал Константин, но вслух ничего не сказал. В его интересах было по крайней мере до свадьбы не дать Василию выяснить, насколько своевольна и упряма его невеста.

– Я не видел в этом большого вреда, тем более что у нее есть талант и она умеет прекрасно обращаться с животными, – ответил он. – Александра их лечит, объезжает и разводит.

– Прошу прощения.

Константин покраснел, и в голосе его вновь послышались воинственные нотки:

– Послушайте, моя дочь не какая-нибудь столичная белоручка! Она выросла в деревне и...

Константин умолк, ибо выражение лица Василия было более чем красноречивым. С таким же успехом он мог бы сказать: «Это все объясняет» – и при этом самым сухим тоном.

Вздых барона не менее красноречиво выразил чувства отца, попавшего в безвыходное положение.

– Я не против, чтобы моя дочь несколько переменила занятия. А у молодой жены будет такая возможность: муж и дети заставят ее сделать это быстрее всяких уговоров.

Василий застонал про себя, соображая, уж не ляпнул ли он именно то, на что рассчитывал барон, и, тщательно подбирая слова, ответил:

– Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что я живу в столице, в непосредственной близости от дворца? Принимая во внимание ее будущие обязанности при дворе, вам должно быть ясно, что образ жизни вашей дочери

будет в корне отличаться от того, к которому она привыкла.

- Это будет ей только на пользу, хотя, предупреждаю вас, она не откажется от своих ежедневных прогулок верхом.

- Большинство благородных дам катаются верхом ради удовольствия.

- А как насчет скачек?

- Абсурд! Ни одна дама в них не участвует. А ваша дочь разве...

- Иногда.

- Больше этого не будет, - сказал Василий ледяным тоном.

- Прекрасно.

Василий слегка осел на стуле. Он считал, что делает все возможное, чтобы вызвать неудовольствие барона, а оказалось, что на самом деле помогает тому найти идеальный выход из трудной ситуации с ненормальной дочерью.

Отчаянно пытаюсь спасти лицо, Василий поспешно поправился:

- Конечно, я владею несколькими загородными имениями не слишком далеко от столицы. Я думаю, что не стану препятствовать ей, если она пожелает предаваться там своему излюбленному занятию...

Константин улыбнулся:

- Александра будет счастлива услышать это.

Сдаваясь, Василий стиснул зубы. Оставалась еще последняя надежда на то, что все рассказы барона о своей дочери - сплошная ложь. Но вероятность этого была ничтожно мала, и Василий снова почувствовал приступ отчаяния.

– Мне хотелось бы увидеть копию договора об обручении. По-видимому, копия моего отца где-то затерялась, потому что ее нигде не удалось найти.

– Разумеется.

Василий вспыхнул, заметив, что бумага все это время лежала на столе, разделявшем их. Константин с готовностью подал ее Василию. Прочитать этот краткий документ, а также заметить на нем подпись своего отца было для того делом одной минуты, после чего все хрупкие надежды растаяли как дым.

– Смею ли я спросить, почему вы так долго медлили? – поинтересовался Василий, возвращая документ. – Ведь ваша дочь уже не в том возрасте, когда большинство девушек выходят замуж.

– Чистый эгоизм с моей стороны – я хотел удержать ее при себе как можно дольше, – ответил Константин. – Кроме того, она была довольна своей жизнью здесь.

– В этом я не сомневаюсь. Вам известно, что она не желает выходить за меня замуж?

– Она вам это сказала?

– Сказала.

С минуту Константин лихорадочно соображал, а потом махнул рукой, будто отменяя эти слова:

– Всего лишь нервы и боязнь перемен! Такое случается со многими невестами и женихами.

– Обычно такие чувства держат при себе, – ответил Василий с интонациями старого брызги.

Константин хмыкнул:

– Так вы уже заметили склонность моей дочери к откровенным высказываниям? Частенько это бывает неудобно, но иногда, напротив, вносит свежую струю. Будьте уверены, Александра никогда не станет тратить ваше время, заводя разговор издали. Но не принимайте ее слова близко к сердцу. В этом нет ничего личного. Дело в том, что она вообще не желает выходить замуж. Как я уже сказал, она была бы вполне счастлива, продолжая жить так, как живет сейчас. Но Александра выйдет за вас замуж. Она дала мне слово.

Это было не совсем то, что Василий надеялся услышать.

– Со всем уважением к вам, господин Русинов, все же спрошу: уверены ли вы, что хотите заставить свою дочь выйти замуж за человека, которого она не хочет иметь своим мужем?

– Да бросьте вы! Не хочет?

Константин улыбнулся с таким понимающим видом, что Василий чуть не залился краской.

– Я заметил, что произошло перед домом, и смею вас уверить, ни одному мужчине не удавалось заставить ее лишиться дара речи. – «Даже этому проклятому англичанину», – добавил он про себя.

Василий невольно покраснел, потому что не мог сказать о себе, что не привык к тому, чтобы женщины при встрече с ним немели.

– Она утверждает, что я удивил ее. Впрочем, удивление было обоюдным.

– Не сомневаюсь: моя младшая дочь – это нечто исключительное. – Константин произнес это с изрядной долей отцовской гордости. – Но не сомневаюсь также и в том, что человеку ваших лет и вашего опыта будет проще простого добиться ее любви и рассеять ее страхи.

«Ну уж дудки, – подумал Василий, – мы что-нибудь придумаем!» Итак, с бароном ничего не вышло. Этот человек принял его от всего сердца и, по-видимому, считает, что с зятем ему повезло. Василий знал, что теперь ему придется сосредоточиться на Александре и тут уж надо было не жалеть ни времени, ни

сил.

– Я сделаю все возможное, – уверил он барона, и это заявление можно было трактовать весьма широко.

Василий поднялся, давая понять, что беседа окончена.

– Из-за нашей задержки в пути, боюсь, мы вынуждены поспешить с отъездом. Честно говоря, нам лучше отбыть завтра же, пока погода не сделала наше путешествие слишком опасным.

Наконец-то ему удалось удивить старика!

– Но приготовления к свадьбе еще не окончены.

Василий изобразил раскаяние:

– Весьма сожалею, но, видимо, я забыл упомянуть, что мой кузен настаивает, чтобы свадебная церемония состоялась в Кардинии, в королевском дворце. Таково желание королевы, а ее желания для Штефана – закон.

Константину нечего было возразить, и он задумался над дилеммой, порожденной этим неожиданным обстоятельством.

– Но я не сделал никаких распоряжений на случай путешествия в это время года.

– В таком случае весной вы можете сами привезти ее в Кардинию, – поспешно предложил Василий.

Эта поспешность не укрылась от барона, поэтому он сказал:

– Впрочем, мне нет необходимости присутствовать на свадьбе, ведь помолвка – все равно что брак. Я подожду и навещу вас, когда родится первый ребенок.

«Иисусе, – с ужасом подумал Василий, – этот человек еще не женил меня, а уже делает отцом».

– Но ведь ваша дочь, наверное, расстроится?

Когда она так сердита на отца? Константин едва удержался, чтобы не фыркнуть.

– Не думаю. Уж чего она на самом деле хочет, так это упорхнуть из-под моей власти.

«И вместо этого оказаться в моей». – Василий чувствовал комизм ситуации, но мысль о последствиях его ужасала. Возможность соблазнить эту маленькую мерзавку отпала, да, по правде говоря, это было строжайше запрещено. Но, пожалуй, станет гораздо легче склонить ее к тому, чтобы она расторгла помолвку, когда ее отца не будет рядом и можно будет строить из себя какого угодно негодяя – а Василий намеревался действовать именно таким образом, если, конечно, не удастся отказаться от помолвки еще до завтрашнего утра.

Глава 8

Проводив графа, Константин снова уселся за свой стол и погрузился в ожидание; он был почти уверен, что Александра прибежит сразу же, как только убедится, что он один. И действительно, она явилась не более чем через две минуты – должно быть, следила и ждала, когда граф покинет его кабинет. Алин решила избегать Василия, но Константину в этом смысле не повезло.

Она так и не переделалась и по-прежнему была совсем не похожа на даму. После рассказов Василия об их беседе, Константин опасался, что это не случайная оплошность, а намеренный вызов. Видимо, таким образом она выражала свой протест, а Константин по опыту знал, что в этих случаях его дочь чрезвычайно упряма. Он почти жалел, что не может присоединиться к ним в этом путешествии, просто чтобы посмотреть, как этот человек, умевший, судя по его манерам, обращаться с женщинами, ухитрится справиться с ее колючим характером.

Поразмыслив, Константин решил, что изменение обстоятельств благоприятно скажется на дочери. Если бы его планы осуществились, молодые обвенчались бы

меньше чем через неделю, а это не слишком большой срок, чтобы жених с невестой сумели узнать друг друга.

Но путешествие в Кардинию займет месяц, а то и больше, в зависимости от погоды, и Василий получит достаточно времени, чтобы поухаживать за Александрой и полностью завоевать ее до того, как они поженятся.

Но, зная свою дочь, Константин понимал, что та не будет в восторге от такого поворота событий, во всяком случае, до поры до времени. Как он и ожидал, девушка сразу же заговорила о деле.

- Когда он уезжает? - спросила она.

- Вы оба уезжаете завтра.

- Оба? Так он не расторг помолвку?

- Да почему ты вообразила, что он это сделает? Что ты ему сказала? Я разочарован тобой, Александра. Я думал, честь для тебя значит больше, чем...

- Хватит! - огрызнулась она. - Я пыталась покончить с этим фарсом, сказав ему правду. Но если он желает в жены женщину, которая не хочет иметь с ним ничего общего, пусть сам расхлебывает эту кашу, а я умываю руки.

Она умолкла, и Константин неуверенно спросил:

- Так ты выйдешь за него замуж?

- Я не буду расторгать помолвку, - сказала Алин, и горечь, прозвучавшая в ее голосе, не укрылась от барона.

- Но ты рассчитываешь, что это сделает он?

- Когда он узнает меня...

- Черт возьми, Алин! Я знаю, что он привлекает тебя - я сам это видел.

Она пожала плечами, изображая равнодушие, но тон ее был выразителен:

– Ну да, он прибыл в красивой упаковке, не отрицаю, такой красивой, что больше, чем нужно, похож на тщеславного павлина, но с натурой червя, похотливого червя...

– И у тебя есть основания выражаться таким образом? – сурово спросил барон.

– Только то, что он пытался заигрывать со мной, даже не зная, кто я такая.

– А у тебя столь богатый опыт общения с мужчинами, что ты умеешь отличить заигрывание от дружелюбия?

Александра фыркнула:

– При чем тут дружелюбие, если он называл меня «любовь моя».

Константин улыбнулся, не выказывая ни малейших признаков того отеческого возмущения, на которое рассчитывала Александра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кардиния – вымышленная, придуманная автором страна. – Примеч. пер.

Купити: <https://telnovel.com/dzhoanna-lindsey/bud-moeu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)